

СЕМЁН АФАНАСЬЕВ

Семён Афанасьев
Доктор. Книга 2
Серия «Доктор», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65983302
Доктор. Книга 2: 1С-Публишинг; Москва; 2021*

Аннотация

Погибший в битве с фантастическими тварями воин оказывается в теле жителя нашего мира – шестнадцатилетнего подростка Александра Стесева. Неожиданно у него появляются неординарные способности в области медицины. Не имея специальных знаний, он ставит верные диагнозы даже в тех случаях, когда опытные врачи пребывают в затруднении. Есть у героя и другие дарования. Таланты Александра не остаются незамеченными, и вот уже очень серьёзные люди хотят, чтобы он работал на них. Но у героя свои планы на жизнь: в кажущемся неопытным подростке скрывается личность матёрого бойца из другого мира.

Во второй книге цикла герой продолжает удивлять окружающих мудростью, знаниями и способностями, несвойственными столь юному возрасту.

Содержание

1	4
2	19
3	29
4	44
5	59
6	70
7	81
8	98
9	110
10	126
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Семен Афанасьев

Доктор. Книга вторая

1

К чести Котлинского и Стеклова, они не заботятся ни о репутации, ни о финансах.

Женщину, которую зовут Анной, в несколько минут снабжают пачкой анализов, выпиской за личной подписью обоих докторов, и отправляют на какие-то уточняющие процедуры в онкодиспансер, прямо на личной машине Котлинского.

Мы втроём, слегка удручённые, по инерции сидим ещё какое-то время в кабинете главврача.

Кстати, когда ходили сегодня по клинике, я разглядел следы от пуль на стенках коридора возле шлюза. Сейчас какие-то сноровистые рабочие заново штукатурят и красят весь коридор.

– Вы знаете, у неё именно рак. Готовиться нужно, исходя из этого, – говорю в полной тишине, – я не видел его раньше, но судя по тем описаниям, что читал, именно это не может быть ничем иным.

– Косвенные моменты тоже за это, – роняет Стеков. – Но всё же подождём анализов.

Котлинский молча выбивает какой-то ритм по столу ко-

стяжками пальцев.

Поскольку все молчат, а я – самый младший в иерархии, начинаю задавать вопросы, которые мне кажутся срочными и важными:

– Сергей Владимирович, каковы её шансы, если исходить из опыта?

– Пока неясно. Зависит от стадии – допустим, что ты прав... Для примера, если у неё третья, навскидку, по статистике – сорок процентов в плюс. Соответственно, шестьдесят процентов – в минус.

– А с учётом её личной клинической картины?

– Сложно сказать. Тем более, я не онколог, Игорь тоже. И анализов ещё нет. Но с учётом «паровоза» в виде цирроза, процентов пятнадцать. Но это виртуальные прикидки! Это не математика! – чуть взвинченно отвечает на неприятный вопрос Стеклов.

– Рассматриваем сейчас худший вариант. Если анализы и пробы всё подтверждают, и по худшему сценарию. Какой тогда план лечения либо развития событий?

– Всё по классике, – подключается Котлинский. – Вначале операция. Удалят опухоль. Потом химиотерапия. Потом – молиться, чтоб всё было окей. Чтоб без рецидива. Потом – реабилитация, диетолог и так далее, всё по списку. Тебе насколько подробно всё описывать? – Котлинский выбивает дробь пальцами по столу и продолжает: – Тут ещё есть тонкость. Она лично не хочет тратить кучу денег семьи, по-

скольку сама уже сдалась. Ещё на этапе цирроза. Это минус. Муж у неё – боец. Это плюс. Муж сейчас ишачит и за себя, и за того парня: тянет и семью, и быт, и деньги, и её до кучи. Ещё её родителей, которые тоже впали в транс. От такой новости про дочку...

– А что с циррозом? – вклинивается Стеклов. – Цирроз вы оба что, решили не учитывать?

– Рак матки угнетает печень. Она, печень, «держалась» до последнего. Цирроз специально лечить не надо. По крайней мере, в первую очередь, – рисую схему на чистом листе из принтера. – Цирроз – это следствие. Вначале надо убирать рак.

– Да с циррозом она б ещё пару лет протянула, – задумчиво глядит в стол Котлинский. – А вот в свете сегодняшнего «нежданчика»... В общем, цирроз, судя по всему, не перво-степенная сейчас проблема, Сергей. – И Котлинский мощно хлопает своей здоровенной ладонью Стеклова по плечу.

– А когда операция? Если анализы такие, как я ожидаю? – продолжаю выяснять обстановку.

– Я отчасти в курсе их финансовых возможностей, – неохотно говорит Котлинский. – Тем более, в её случае операция и терапия будут связаны – в общем, где-то через четыре недели.

– А в НОВОЙ КЛИНИКЕ она будет в это время наблюдаться?

– Да, – коротко кивает Котлинский. – Мы возьмём на се-

бя всю психотерапевтическую помощь – у неё всё сложно в этом плане. Ей это просто необходимо. Она психологически не готова. Но тянуть с операцией – *если ты прав* – тоже не вариант. Поэтому муж будет готовить деньги и процедуру, а мы – её.

– У нас есть вариант дать мне с ней поработать хотя бы дней семь – десять? Из этого месяца, пока идут все приготовления?

– А на что ты рассчитываешь? – включается Стеклов. – На какой *свой* результат?

– Пока хочу просто посмотреть. Что будет, если поработать с частотами в районе опухоли и печени. Плюс – попытаюсь почистить её вообще: у неё куча радикалов гоняет, разбалансировка частот в органах брюшной полости (после того рикошета по печени). Хуже не сделаю.

– Хуже ей уже никто не сделает, – хмыкает Котлинский. – Если всё так, как сейчас видится...

– Она умирает. Даже в итоге всех врачебных попыток вероятность успеха около пятнадцати процентов, – продолжаю мысль. – Операция даёт последний шанс, но она тоже случится не вдруг и не сразу, если до неё столько времени. От меня ей точно хуже не будет. А вдруг получится хоть на какой-то процент что-то сдвинуть в позитив? Повысить её собственные барьеры?

– Комплекс бога, – неодобрительно роняет Стеклов. – Игорь, что скажешь?

– Категорически с тобой не согласен, – как-то резко рубит Котлинский, вставая из-за стола. – Сейчас тот случай, когда все варианты в плюс. Хуже точно не будет. А там – мало ли... Да и опыт на будущее никогда не лишний, говоря цинично...

Наливаем ещё по чашке чая, хотя, кажется, он скоро у всех из ушей потечёт.

– У меня есть предложение, – не даю докторам расслабиться. – Я сейчас работаю с этим суставом по плану десять дней. От Шаматова вы меня «отмажете»? – обращаюсь к Котлинскому.

– Разумеется, – серьёзно кивает тот и начинает нервно ходить по кабинету из конца в конец. – По целому ряду резонансов. Коллеги, давайте откровенно. У Шаматова и без Саши – тьфу-тьфу. В сравнении со случаем Анны. Если будут внутриутробные инфекции, любые вирусы в организме или нечто аналогичное – Шаматов в курсе, что Саша в шаговой доступности. И тут же даст знать. Тем более, как я понимаю, твоя санация – лично тебе вообще раз плюнуть?

Подтверждаю кивком:

– Не то чтоб раз плюнуть, но намного легче, чем сустав или чем ожидается у Анны.

– О чём и говорю. У Шаматова – не проектная, а процессная нагрузка. Если ты там будешь нужен пару раз в неделю – тебя тут же дёрнут. Справишься, – продолжает Котлинский. – Твоим образованием и натаскиванием, что я рассчитывал делать с помощью Шаматова, займёмся потом. А у Ан-

ны – как раз проектная ситуация. Хуже лично ей – если ты прав, а всё к тому идёт – точно не сделать. И именно в её клиническом состоянии хороши все варианты. Месяц до операции точно есть. По факту и опыту, даже больше месяца: они в семье, под давлением мужа, сто процентов захотят оперироваться в Европе, а туда они визу будут получать неясно сколько...

– А сустав? – спрашивает Стеклов, постукивая карандашом по ладони, закинув ногу за ногу и глядя в пол.

– А сустав – до кучи. Что-то мы с тобой сегодня поменялись ролями, – отвечает Котлинский. – Ты сейчас говоришь, как администратор, а я – как лечащий врач... Саша, как тебя по времени развести с ними обоими?

– В идеале, час прямо с утра – Анна. Потом час – сустав. Потом ещё час – снова Анна. Ей однозначно будет не хуже, – поясняю в ответ на два вопросительных взгляда. – Между двумя сеансами с Анной мне нужен перерыв: проверить, насколько будут «держаться» программы, которые буду пытаться ставить. Как раз в этом промежутке час займусь суставом.

– Принято, – припечатывает ладонью по столу Котлинский. – А мы этот час «перерыва» как раз её психотерапевтировать будем.

– А кого ты хочешь запрячь на психотерапию? – недоверчиво поднимает бровь Стеклов.

– Частично – сам, – уверенно отвечает Котлинский. – Ча-

стично, может, Оспанова попрошу.

– Не подумал, – кивает Стеклов. – С харизмой и мозгами у тебя действительно всё в порядке. Вот как раз с психикой ты сможешь... – Стеклов не договаривает что-то понятное им обоим, а я не спрашиваю: харизмы у Котлинского действительно хоть отбавляй.

Даже я на себе это ощущаю.

Потом спрошу при случае.

* * *

Выхожу из клиники и задумчиво бреду по аллее. В этот момент звонит мой телефон. С удивление вижу, что звонит мать.

– Привет, мам, – видимо, удивления в моём голосе больше, чем нужно, потому что она сразу переходит в наступление:

– Что, не ждал? Или не рад?

– Да рад, мам, просто с работы вышел, думаю кое о чём... Извини, если сейчас буду тормозить.

– Что-то серьёзное?

– У меня – нет. А вот у другого человека – вполне может быть. Устроился в одну клинику, пока – на лето (не уточняя деталей). Вот есть пациентка, у неё очень плохой диагноз. Думаю о перспективах.

Мать, вероятно, по европейской аналогии думает, что я

пошёл кем-то типа сиделки-волонтера, потому что в следующие три минуты хвалит меня за ответственность и предлагает не комплексовать, даже если придётся столкнуться с грязной работой.

– Сына, горжусь тобой, молодец! – итожит она. – Слушай, а что там бабушка с дедушкой говорят, что ты чуть не женился?

Ага, щ-щас! Скажет вам дедушка что-то! Точно у бабули провентилировала...

– Да, ко мне переехала девушка. Живёт у меня. Работает врачом, у нас всё хорошо.

– Знаешь, может, я, как мать, не должна тебе этого говорить, но я за тебя рада... Вот в глаза не видела твою девушку, но о ней и бабушка с дедушкой хорошо отзывались, и если врач – это многое говорит. В общем, скандала не будет, расслабься.

– Мам, я и не собирался напрягаться. Забочусь о себе сам. Кормлю себя сам. Не подумай, что конфликтую, но не поздно ли обо мне начинать пекься, когда я уже вполне взрослый?

– Сына, всё, не ссоримся... Я чего звоню-то. У вас с деньгами как? Хватает? Мы сейчас за Светку будем меньше платить – она грант получила, если надо, можем подставить плечо. Раз ты не один живёшь.

– Сейчас не актуально, – коротко отказываюсь. – Я ещё на автомойке работаю, зарабатываю в сумме неплохо.

– Ну да, плюс твоя девушка – врач, – задумчиво тянет мать. – Врачи – это же всегда более чем обеспеченные люди. У нас сосед – стоматолог, работает за двести двадцать тысяч в год, и это ещё не предел. Правда, это до вычета налогов.

Молча смеюсь, не объясняя маме различий в реалиях медицины *там* и *тут*. Если сказать Лене о зарплате врача в двести тысяч даже не евро, а долларов в год – вот она посмеётся. Ну, правда, Лена, может, и не посмеётся (что-то говорит мне, что в её семье зарплатой врача, даже западного, никого не удивишь), но Асель точно будет в экстазе.

– Мам, спасибо, это лишнее. Я обязательно попрошу помощи, если будет нужно. Но сейчас как раз не нужно. Дед, кстати, говорит: чем меньше просишь помощи – тем лучше живёшь в старости, – перевожу стрелки на безусловный авторитет.

– Ну, хорошо... Ладно, всем привет, звони!

* * *

На плавании привычно «выключаю мозг» и добросовестно, хотя и не вникая, отрабатываю все задачи тренера. Смоляков ничего не говорит, но на второй дорожке замечаю пару молодых ребят из ДЮСШ, которые что-то делают по его индивидуальному заданию.

Мне это уже никак не давит на нервы. Особенно по сравнению с событиями последней пары суток.

В зале бокса обнимаюсь с Вовиком под удивлёнными взглядами остальных и ехидной ухмылкой Трефилова.

– Сергеич в курсе, – коротко бросает Вова. Я понимаю, что у Вовы от Сергеевича секретов нет.

Тренировку отрабатываем по заданию Сергеевича, потом привычно по очереди проигрываем ему по паре раз в шахматы, потом, неожиданно для обоих, идём в ближайшую пиццерию. Где набираем полный стол еды и со смехом обмениваемся впечатлениями за последнюю ночь.

– Слушай, а на тебя не давит атмосфера того, что ты там в доме – не хозяин? – спрашиваю со ртом, набитым салатом. С Вовиком приличия и политесы можно не соблюдать.

– Сань, я и у тебя в доме не хозяин, – скептически щурится Вова. – И у своей мамани тоже. И у бати. Я, блин, как тот приёмный пасынок: вроде, много есть куда пойти, но нигде не хозяин. Если ты о психологическом дискомфорте, то я его гораздо менее остро, чем ты, ощущаю.

– Пардон, не подумал...

– Да ничё... Кстати, у вас с Робертом – типичная битва за иерархию.

– Это как? – заинтересовываюсь.

– Это битва за лидерство, – поясняет Вовик. – У кого... толще.

Не могу удержаться от смеха, что и делаю с набитым ртом. Под неодобрительными взглядами окружающих. Неудобно, но я не планировал смеяться. Оно само.

– У меня с Робертом нет проблем. Я готов признать, что он в иерархии – намного порядков выше меня. В отличие от тебя, меня это не вгоняет ни в депрессию, ни в диссонанс.

– А Асель?

– А Асель – идеальная восточная женщина... Она вообще – за мужчиной без споров. Тем более, она тоже не оспаривает иерархию.

– У вас там точно нет дискомфорта?

– Шутишь? – Вовик смотрит на меня, как на убогого. – Сань, там полгектара земли, парк, считай, два дома, в своём доме они вообще с этажа не спускаются – какое там тесно? Вчера вот в теннис играли весь вечер. Родители твоей половины даже не спустились... Собаки там ещё классные, я собак люблю... В общем, конечно, могло бы быть дискомфортно, но я после армии. У меня, знаешь, нет чувства неловкости почему-то. Ну, и служили с Робертом, оказывается, считай, в одном месте. Нормальный он мужик, если за влияние на дочь с ним не бодаться, – подмигивает Вовик.

– Ну, слава богу... Я, честно говоря, немного нервничал за вас. Если что – мои двери открыты.

– Сань, спасибо огромное. Но ты не в курсе. *Именно Аселе* они относятся, как к родной. Проблема в том, что Аська, как верный вассал, автоматически поддерживала твою Лену во всех эскападах и выходах из-за печки. А твоя Лена чудила... не по-детски. Ты сам её расспроси. Получается, что Асель делала не то, что считала правильным (хотя на Лену влиять

и пыталась), а то, что было лояльным по отношению к Лене. Из чувства благодарности и корпоративной солидарности.

– А теперь отпала необходимость идти в кильватере, – начинаю понимать я.

– Точно. Мы любим вас с Ленкой. Но конкретно у Аськи – свои отношения и с Робертом, и с Зоей Андреевной. А теперь – и у меня. Когда Ленка и ты с её родителями конфликтовали – мы автоматом занимали вашу сторону. Понятно, иначе и нельзя было... Но сейчас, когда всё рассосалось между вами, мы, наконец, можем спокойно строить свои отношения. Не опасаясь криво выглядеть в ваших глазах.

– Блин, это мы вам всю малину портили, – доходит до меня.

– Не думай. Забей. Жизнь – вообще ни разу не логичная штука. Просто живи, – отправляет в рот огромный кусок помидора Вова. – Всё хорошо, что хорошо кончается, я тебе очень благодарен и за Аську, и за всё остальное. В любви объясняться не буду, но мы с тобой не чужие. Считаю правильным тебе это сказать в лоб.

– Слушай, ну я искренне рад... Чтоб не было недоговорок, скажу и со своей стороны, – задумываюсь на пару секунд, как тут лучше сформулировать. – Меня их плотная опека более чем тяготит: я – не ты, субординацию любого рода воспринимаю болезненно (лень объяснять, что субординации «наелся» в прошлой жизни; да и не объяснишь этого). Ленку их опека тяготит ещё больше. А Роберта и Зою

тяготит то, что, воспитав ребёнка, а с Аселей – подняв, почитай, двух, им даже чаю вечером в их хоромах выпить не с кем. По-человечески я их очень хорошо понимаю.

Чокаемся двумя стаканами сока.

– С вашим появлением все получают то, чего хотят: Роберт и Зоя – детей, о которых можно заботиться. Мы с Ленкой – свободу плюс нормальные отношения с её родителями. Что равно прекращению тёрок и конфликта. Тот редкий случай в нашей жизни, когда все довольны.

– Да уж, – соглашается Вовик. – Все довольны, что в нашей жизни действительно редко бывают. Слушай, мне Роберт поручение дал. Отрабатываю. Он мне предложил охранником перейти из ночного клуба к нему.

– согласишься?

– Уже. В ночном клубе я – тупой мордоворот. А в банке – работа почти по специальности.

– Кстати, а кто ты по специальности? А то я только и знаю, что пловец ПДСС, – смеёмся оба.

– Я ж в политехе учусь заочно. И в юридическом, но уже за бабки. В сумме – информационная безопасность банковских систем. В политехе – техническая сторона. В юрке – юридическая база и составляющие.

– Ничего себе! – от удивления давлюсь пиццей. – Ты не говорил, что ты не просто мастер спорта по боксу!

– Так ты и не спрашивал! Впрочем, ты – не Роберт... В общем, он расспросил. Позвонил какому-то своему челу, тот

по громкой связи стал вопросы задавать, в итоге меня стажёром взяли... Но я не об этом! Роберт дал поручение: если получится, вернуть тебе банковскую карту Ленки, он её восстановил, – и Вовик лезет за бумажником.

Останавливаю его руку:

– Варианты есть?

– Да. Если ты откажешься – сказать, что в любой момент можете взять.

– Не понимаю, почему через меня. Давай, переадресуем, кому положено, – набираю Лену, ставлю на громкую связь.

– Мелкий, я на своей тренировке, если не срочно – давай потом?! – скороговоркой выпаливает Ленин голос вместо приветствия. Запыхавшимся голосом, как будто бежит. Ух ты, я и не знал, что она тоже спортом занимается. За всё это время я что-то не видел... Надо будет расспросить.

– Срочно. Секунда, – стараюсь говорить как можно короче. – Вове твой отец твою банковскую карту передал. Для тебя. Мои действия?

– Лена, он просил сказать: у Асели такая же! И она не берёт, пока ты свою не примешь! – подключается к разговору, пользуясь громкой связью, коварный Вова. – Но предполагалось, что мы встретимся вместе, а не по телефону!

– Мелкий, карту бери. Вову поцелуй – за меня, чтоб он моего папу поцеловал. За меня. Была неправа. Извиняться не буду. Батя в курсе. Пока.

– Наверное, это была шутка, – косимся с Вовой друг на

друга перед тем, как оглушительно прыснуть на всю пиццерию.

Надо будет спросить, на что это Лене не хватает наших с ней денег. Или она взяла карту просто, чтоб Асель могла пользоваться своей?

После пиццерии и Вовика несусь на мойку.

Там меня уже ждёт Илья, который устанавливает на мой телефон какую-то программу. Она после установки разворачивается в четыре «окошка» камер, транслирующих изображение с разных точек бокса мне на телефон.

Минут пять играемся с настройками, увеличивая то резкость, то контрастность, то цветопередачу.

– Кроме системы видеонаблюдения, они подключили ещё электронный замок и удалённую постановку на сигнализацию в одном блоке, – с видом деда Мороза, залезающего рукой в мешок, говорит Илья.

– Вот тут подробнее. Если можно, ещё раз и медленнее: как оно работает? – я и не знал, что эти технологии позволяют даже такое.

– Вот, смотри. Это – окно камер в программе. Нажимаешь сюда –ходишь в меню видеонаблюдения. Кстати, тут и инфракрасный режим камер есть.

– Вижу. Понял.

– Это вход в меню сигнализации. Теперь к датчикам на открытие двери добавлены датчики движения в боксе. Потом вот тут активируешь только после того, как все разошлись.

– Понял.

– Ну и вот – конечная функция захлопывания замка.

– А если я случайно нажму открытие замка?

– А ничего не будет. После открытия двери вон на той консоли необходимо ввести вот такой цифровой код, – Илья пересылает мне в мессенджере восьмизначное число. – Даже если ты снял двери с сигнализации с телефона, и потом кто-то вошёл, но не набрал внутри этого восьмизначного в течение пятнадцати секунд – сигнализация всё равно сработает. И группа быстрого реагирования приедет.

– Это потому консоль вывели к самому входу, – догадываюсь.

– Ну да. Если разместить дальше, представь: открывает кто-то утром, допустим, зимой. Входит – а тут машиной перегорожено. И надо за пятнадцать секунд перепрыгнуть машину, подбежать к консоли, открыть панель, выстучать код – в общем, группа раньше приедет.

Оба смеёмся.

– Ну-с, давай. От меня тебе всё передано, всё как договаривались, – потирает он руки напоследок. – Успехов!

Ещё через пару минут он уходит, а я остаюсь ждать Степана с Андреем и клиентов.

Степан с Андреем появляются вовремя, сразу после того, как я заканчиваю принимать машины.

Они переодеваются и сразу принимаются за работу с какой-то крестьянской основательностью.

Наблюдаю за ними минут пятнадцать из «стекляшки», тестируя выведенные на телефон камеры. Действительно,

удобно и действительно, всё видно.

Выхожу в бокс и хлопаю в ладоши:

– Степан, Андрей, на минутку!

Они подходят. Показываю им, как работает удалённый контроль на телефоне:

– Я сейчас отойду. Вернусь, когда вы уже уйдёте. В сегодняшних салонах есть какие-либо сложные пятна, с которыми вы опасаетесь не справиться?

Оба синхронно и молча отрицательно качают головами.

– Тогда ваши деньги отдаю вам сразу, чтоб вы меня не ждали по окончании работы. Как закончите, соберётесь, перед выходом и закрытием двери нажмите вот эту жёлтую кнопку на консоли два раза. Я после этого закрою помещение.

– Хорошо, – степенно кивает Степан, и они так же немногословно возвращаются к работе.

* * *

Когда прихожу домой, Лена, слава богу, на месте: она открывает мне изнутри, так как дверь закрыта на задвижку. И я ключом снаружи открыть не могу.

– Привет, Мелкий, – Лена звучно припечатывает меня поцелуем в лоб, затем сама же стирает с моего лба помаду предплечьем.

– А чего это ты закрылась изнутри? – удивляюсь. – Я б

тебя не поднимал двери отпирать, своим бы ключом открыл.

– Потому и закрылась, чтоб тебя не прозевать, – отвечает она, зевая. – С час назад дико спать захотелось, думала, усну – ты придёшь, а я не услышу. А я соскучилась. Какие планы на вечер?

– Э-э-э, ну-у, я хотел лечь на кровать в большой спальне, – бросаю откровенный взгляд на четырёхместную кровать. – Войти в сеть. Посмот...

– Можешь не продолжать, – перебивает Лена. – Ты хотел валяться и свою жопу мять, вместо того, чтоб делать жизнь своей очаровательной половины яркой и красочной. Иди сюда, сейчас подзатыльник дам.

– Не могу, – отвечаю, запутавшись в одной штанине и прыгая на одной ноге. – Я занят. Жопу могу мять не только свою... – смотрю с намёком.

– Чуть позже. Ну-ка рассказывай, что на тебя сегодня за напасть свалилась. Я внимательно слушаю. Как твоя штатная психотерапевт, – Лена подходит ближе и пристально смотрит мне в глаза, улыбаясь уголками рта.

– Да ничего особенного... – пытаюсь отбояриться.

– Не обманешь. Мелкий! Ну, я всё-таки врач! Причём неплохой... и не только врач! Я же вижу, – складывает Лена губы дудочкой, наклонив голову к левому плечу.

– Да у женщины рак. К Котлинскому пришла вот недавно. До этого, в других клиниках, два года лечили от цирроза печени. А там печень – это «рикошетом» из опухоли. Рак мат-

ки первичен, – честно вываливаю на Лену. – Как-то цепануло по нервам. Молодая ещё. Муж, дети...

– Ещё что? – продолжает держать голову наклоненной она, начиная улыбаться. – Колись до конца, Мелкий, не будь вредителем. Я так хотела сегодня устроить со своим парнем забег в ширину. А сейчас придётся тебя терапевтировать, ва-а-ах, – широко зевает она ещё раз.

– Ещё – мать моя звонила. Ещё – вчера в КЛИНИКЕ людей слегка постреляли...

– Можешь рассказать? – закусывает губу Лена. – Или там без подробностей?

– Пока без подробностей. Если ты не против. В общем, всё по отдельности – мелкий напряг для психики, а в сумме – почему-то эндорфины и дофамины куда-то испарились, – развожу руками.

– Без проблем, – коротко осекает меня Лена, встаёт, подходит, кладёт мне руки на плечи и затылок и смотрит сверху вниз, поскольку я пока ещё ниже ростом. – Я так вижу, как той женщины – самое ключевое? Что тебя цепляет сейчас?

– Да, – киваю. – Откуда ты знаешь, что я думаю и чувствую?

– Секрет фирмы... Давай, поговорим о женщине. Seriously. Сейчас. Ты готов? – Лена за руку ведёт меня на кухню, шагая с пятки на носок, и сажает за стол. – Есть будешь?

– Есть не буду – с Вовкой в «ЧАО ПИЦЦА» сожрали всё меню... О женщине – давай поговорим. Только что?

– Два момента. Первый – что я тебе могу сказать. Второй – что ты удумал. По глазам вижу, ты что-то замыслил.

– Тогда начинай с первого. Я варю кофе? Если сегодня что-то будем делать дальше?

– Кофе вари – сегодня выгуливаем друг друга, к родителям заедем, в теннис Аську с Вовиком обставим, и ещё была программа. По поводу первого... Мелкий, у врача пациенты иногда умирают. У хорошего врача – чаще, чем у плохого, – она делает паузу.

– Почему? Как у хорошего могут умирать чаще, чем у плохого?

– А плохому врачу в неотложке стараются ничего не поручать лишний раз. Или он сам постоянно на коллег «обезьян» вешает. А у хорошего врача – просто нагрузка естественным путём выше, – объясняет Лена. – Ибо все к нему стараются попасть. Чем больше работы – тем больше и летальных случаев. При том же их проценте на тысячу... И не всегда что-то можно сделать, Мелкий. Это я тебе как врач-реаниматолог говорю, – она роняет на пол нож, которым отрезала себе кусок рыбы, поднимает этот нож и продолжает: – Если ты в этой системе, тебе нужно не отгораживаться и не депрессировать. А просто принять это, как часть жизни. Мелкий, тут нет рецептов. Каждый сам себе выдумывает психотехники, как от этого мозгами не двинуться и не зачерстветь. Я тебе одно скажу, как твоя половина и как врач: ты справишься. Просто не давай эмоциям себя захлестнуть, и депрессняку –

в частности, — в этом месте она вытягивается над столом, снова чмокает меня в лоб и говорит: — Расскажи, что за клиническая картина.

Добросовестно пересказываю всё, что «вижу». Плюс всё, что было в анализах на столе Стеклова и Котлинского.

— Не хочу каркать. Но на семьдесят пять процентов, даже больше, Стеков прав, — Лена чётко смотрит мне в глаза. — Теперь говори, что удумал...

— Хочу пободаться. Её всё равно месяц тут мариновать будут, в том числе по финансовым и визовым причинам. Я, как эту опухоль увидел, около получаса с частотой «игрался». Мне кажется, шанс есть. Даже если он микроскопический, его надо использовать. И стараться вырвать любой ценой.

— Это правильно. Больше ничего говорить не буду. Ты правильно всё видишь, — кивает Лена. — И это, Мелкий... Делай, что можешь. И сверх того. Ты правильно не хочешь сдаваться, и в случае с пациенткой, и просто по-жизненному. Но помни: у врачей бывают самые неприятные исходы, от врачей совсем не зависящие. Хотя, повторяюсь, сдаваться нельзя. Никогда. Ни по какому поводу. Тут я полностью на твоей стороне.

— Спасибо, — встаю, обхожу вокруг стола и кладу ей на плечи руки, которые она накрывает своими ладонями. — Жаль, я пока не могу через стол до тебя дотянуться. Кстати! Твоя банковская карта у меня! Лен, а на фига тебе отцовская карта? На что нам не хватает тех денег, что есть?

– Мелкий, да ни на что не «не хватает»... – мнётся Лена. – Нормально всё. Просто псих мой... Ну, считай, заскок капризной избалованной девчонки! – признаётся Лена. – Я же единственная дочь. Ещё и не последних родителей. Привыкла к безоговорочному комфорту и неограниченным ресурсам на все свои прихоти. Вот эта карта – такой самый ресурс. Чтоб, если вышла из дома, и если паспорт в сумочке, можно взять, купить билет – и в обед в Анталию, например, улететь... Или в Дубай – у нас с ними безвиз же уже.

– Вот как бы тебе сейчас поделикатнее, – смеюсь, – объяснить текущие реалии, как я их вижу.

– Вот не надо! – она сильнее прижимает мои руки к своим плечам. – Я же работаю над собой. Как в неотложку пошла – очень многое пересмотрела и в жизни, и в своих взглядах. И сейчас жизнь посвящаю чему-то большему, чем просто удовлетворение собственных потребностей. Хотя, поверь, вполне могла бы жить радикально иначе...

– Верю. Что с картой? – спрашиваю как можно вежливее.

– Положи в свой стол. Мне психологически сложно без резерва. Неограниченного. Вот карта – этот самый резерв. Ну, и Аське такая точно карта намного более актуальна, чем мне... а она без меня не взяла бы...

Я иду к плите и варю кофе, а Лена, вытянув ноги в кресле, говорит:

– На сегодня план. Сейчас попью твоего кофе – мне, кстати, с молоком, потом едем к моим. Там – матч в теннис с

Аськой и Вовиком, нас пригласили.

– Э-э, Лен, какой теннис?! Я с двух тренировок! Темно уже!

– Настольный, не пугайся. После тенниса – едем караться на картах: открыли новый клуб, там заезд для рейтинга новичков. Я это дело люблю, тебя хотела приобщить. После картинга – Вовик с бате́й поспорили о каких-то дебильных ночных стрельбах, будь они неладны. Они потом в тир. Мы можем присоединиться к ним, если тебе интересно. Лично мне стрельба – до лампочки... Но вдруг тебе оно зачем-то надо.

– Вот ради этого я уже на всё согласен! – оживляюсь я. Пострелять, ночью, тут – мне действительно интересно. – А вообще, ничего себе ты напланировала... А если бы я пришёл поздно и усталый?

– Мелкий, ты мне сам говорил, что у тебя видеонаблюдение ставят, – смотрит Лена на меня, как на убогого. – И что новая пара сотрудников вполне может справиться сама. И я сегодня в окно видела – у тебя ту систему монтировали и подключали, вон – твоя мойка за окном! В окно видна́!

– М-да, не подумал, – чешу затылок. – Слушай, а каким это ты спортом сегодня занималась? Когда я звонил? Чего это ты дышала, как загнанная лошадь?

– Мелкий, ты чё-то тормоз сегодня, неси сюда мой кофе, я тебя поцелую... У меня парень – намного моложе. Я должна держать себя в форме?

– Ну, логично, – киваю.

– Это раз. В школе и институте у меня был первый разряд по волейболу, играла и за лицей, и за универ. Чемпионами области даже раз были. Это два. А сейчас пошла в качалку тут недалеко, чтоб мышцы в тонусе держать. Если хочешь подробностей – расскажу по дороге. Погнали. Нас ждёт теннис... Перелей мой кофе в take-away.

Разливаю кофе из турки в два пластмассовых стакана-термоса, и мы идём обуваться.

Когда через полчаса приезжаем в дом родителей Лены, застаём Асель и Вову, азартно скачущих, как пружины, вокруг теннисного стола.

Стол стоит на площадке слева от дома, над ним висит круглый фонарь, освещающий игровое пространство так, что не образуется теней. Под самым столом гладким бетоном залита площадка примерно десять на десять, с небольшими бортиками по краям – вероятно, для остановки мячика.

– Красиво жить не запретишь, – присвистываю.

– Лучше же время и силы на спорт тратить, чем на бухло или чего похуже того, – пожимает плечами Лена. – Когда я в школе училась, в пубертатный период батя меня как-то на это присадил, и ко мне весь класс потом ездил. Мы тут такие чемпионаты устраивали! Ещё параллельный класс присоединялся! Тогда два стола стояло, это сейчас и одного хватает. Вот что-что, а теннис всю жизнь люблю...

Кстати, посмотрев, как доигрывают Вовик с Асель, я теперь не уверен, что мы с Леной их «вынесем». Скажу больше: как играет Лена, я не в курсе. Но я – точно им не конкурент.

Роберт Сергеевич с Зоей Андреевной машут нам с балкона второго этажа, где они сидят то ли в креслах, то ли в шезлонгах.

Лена взмахивает рукой им; мы громко здороваемся прямо снизу, не поднимаясь наверх, и направляемся к теннисному столу.

С Вовиком мы сегодня уже виделись, потому просто ударяем ладонь в ладонь. Асель по очереди касается своей щекой щеки Лены, потом меня, хлопая при этом по спине. Интересно. Наверное, какое-то не местное приветствие. Намотал на ус.

Потом разгорается теннисная битва.

Первую партию мы с Леной проигрываем из-за меня почти всухую. Я давно не играл, потерял всю точность. Пользоваться своим «читом» не хочу принципиально – не та ситуация. Раз это только развлечение.

Вова с Асель ехидно острят, Лена почему-то злится. Хотя изо всех сил старается этого не показывать. А мне просто смешно от того, как серьёзно все вокруг воспринимают развлечения.

Во второй партии мы уже забиваем с десятков. Уже не «сухая». Лена приободряется и говорит:

– Аська, Вовик, дайте мне минут десять, я Мелкого за столом одна поразыгрываю чуток? Я думала, он, как пацан-школьник, от теннисного стола не отходит, а он почти как батя. То есть, не айс, – скептически кривится Лена. – Он почти на пенсионном уровне.

Асель с Вовиком веселятся в ответ и со словами: «Перед смертью не надышишься! Десять минут!», уходят в направ-

лении вольера для собак.

Лена ставит меня на противоположную сторону стола и развивает бурную деятельность:

– Так. Сейчас подаю только на «закрытую» руку. Принимай и отбивай вот на этот дальний угол. Сто раз подряд. Погнали.

И дальше учиняет мне какую-то форменную отработку конкретного элемента. Прямо тренировка какая-то. К концу пятой минуты её подач я уже попадаю по двум мячам из трёх, что ровно на двести процентов больше, чем вначале. Её подачи летят, как из пулемёта. Я, в свою очередь, верчусь юлой у стола, отрабатывая приём подачи; плюс подаю эти самые мячики, гоняясь за ними по площадке.

Лена смотрит на часы:

– Так, теперь – то же самое, но на «открытую» руку.

– Лен, ты не сильно увлеклась? – улыбаюсь. – Или я чего-то не знаю, и мы играем на деньги?

– Не отвлекайся! – бросает Лена, «пробивая» в угол, который я «не вытягиваю». – Мы можем выиграть!

Ещё минут пять подач в одну точку, и я начинаю попадать и из этого положения. Раз семь или шесть из десяти.

– Пойдёт, – бросает Лена, снова глядя на часы. – Странно. Десять минут. Они у собак застряли, что ли?

– Вова говорил, он собак любит. Вполне может быть, – отвечаю.

– Ну, им же хуже. Так. Всё то же самое, по двадцать пять

раз, не отдыхаем! – снова развивает бурную деятельность Лена. – Стучим, пока они не придут! Не расслабляйся, ты же спортсмен!

Ну-у, когда девушка *так* ставит вопрос, что остаётся делать.

Видимо, Лена видит моё снисходительное выражение лица, потому что сердито бросает, не прекращая подавать:

– Мелкий, вот только не делай этого любимого своего лица взрослого дедушки! Который вывел в песочницу поиграть пятилетнюю внучку! Я всё вижу...

– Лен, ну если я действительно именно так и вижу ситуацию? – смеюсь, пропуская в тот же угол. Чёрт.

– Вот тебе! За неверное видение! Мелкий, ну где твой спортивный азарт? Тебе мало, что твоя женщина тебя просит? – Лена склоняет голову к плечу, смешно достаёт языком кончик носа (ух ты, не знал, что так можно) и демонстративно хлопает глазами.

– Не мало. Проникся, – беру свою лень в руки и в следующие пятнадцать минут, которые Вовик с Асель занимаются непонятно чем у собачьего вольера, дисциплинированно порхаю, как бабочка, вокруг теннисного стола, тщательно выполняя всё, что говорит Лена.

– Ну-у, для сельской местности сойдёт, – итожит она, когда я уже не задумываюсь, ударяя по мячу. Что характерно, половину раз попадаю именно в ту зону стола, куда говорит она. – Лишь бы ты первый мяч брал. А там я им дам прочу-

хаться. Перемещаешься ты шикарно, намного быстрее Аськи, – окидывает Лена меня взглядом.

А я даже не успел заметить, как увлёкся. И включил какие-то резервы.

– Ты смотри, я даже не обращал внимания на такие детали, – удивленно раскрываю глаза, – ты что, даже это видишь?

– Ты просто не фанат тенниса! В отличие от меня... – кивает Лена.

Наконец, на аллее появляются Вова и Асель, и битва титанов за теннисным столом возобновляется.

Первую партию выигрываем, не выпустив их из десятка. Вова удивлённо чешет за ухом, а Асель, широко открыв глаза, медленно произносит:

– Что это было?

– А вы расслабились. За полчаса, – показывает Аселе язык Лена. – И пришли по инерции, как к аутсайдерам. А мы за эти полчаса подтянулись. Пока вы расслаблялись.

Вторая партия выходит более упорной, но видно, что Асель и Вовику уже просто неохота выкладываться. Они снова проигрывают, забивая всего лишь семнадцать.

– Фух, вот теперь всё в норме, – говорит Лена, бросая ракетку на стол. – Можно было бы поиграть больше, но скоро заезды. Вы долго где-то шатались, Мелкий вон за это время чуть теннисистом не стал. Аська, что вы там полчаса делали?

Лена в этот момент наклоняется поправить шнурок на кроссовке и не видит, как густо краснеет Асель. Упс, кажет-

ся, вопрос не вовремя и не на ту тему; мне снова смешно. Уже по другому поводу.

Тактично отворачиваюсь, как будто глядя по сторонам. За теннисным дерби совсем забыл про химчистку.

Чёрт.

Костеря себя всеми словами, лихорадочно кидаюсь к телефону, который оставил на скамейке за пределами теннисной площадки.

Слава богу, на мойке всё оказывается штатно. Степан и Андрей уже прошлись «пенной» по разу, «подсветили» пятна ультрафиолетом и теперь добивают остатки. Ну ладно.

* * *

Зал судебных заседаний специализированного..... суда. Присутствуют: Председатель специализированного суда за приставным столиком, судья, секретарь суда, Бахтин, несколько представителей департамента внутренних дел, представители департамента госдоходов, полковник с двумя скрещенными мечами в петлицах и капитан Саматов, на этот раз в форме со всеми знаками различия и с двумя скрещенными мечами в петлицах. Отдельно в заднем ряду сидит человек в костюме, на которого никто не обращает внимания.

...

– Таким образом, Ваша честь, при исполнении служебных

обязанностей погибли семеро сотрудников, включая сотрудников департамента внутренних дел и департамента госдоходов. Вот ходатайство Управления внутренних дел!

Полковник в полицейской форме подаёт яркий документ с несколькими цветными печатями секретарю суда. На груди полковника – нагрудные знаки «Отличник органов внутренних дел» двух степеней, медаль «Ветеран финансовой полиции» и медаль «Ветеран органов внутренних дел».¹

– Служба госохраны! – говорит судья, не поднимая голо-

¹ Нагрудные знаки числа и тяжести ранений военнослужащих Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан

ПРИ ЛЕГКОМ РАНЕНИИ	ПРИ ТЯЖЕЛОМ РАНЕНИИ
	
Одно ранение	Одно ранение
	
Два ранения	Два ранения
	
Три ранения	Три ранения

вы от дела.

Полковник со скрещенными мечами в петлицах поднимается из первого ряда:

– Полковник Мусин, Служба обороны объектов Службы госохраны. Разрешите?

– Давайте уже! – судья на секунду поднимает глаза на полковника, машет рукой и снова опускает глаза на документ, лежащий на столе, поправляя при этом очки.

– Вот – выписка из боевого приказа. Вот кадровая справка по подразделению капитана Саматова, вот – выписка из секретариата. Вот – должностная инструкция, подписи дежуривших, – Мусин по одному передаёт документы секретарю суда.

По ряду, в котором сидят представители департамента внутренних дел, проносится шёпот.

– Ваша честь, документы имеют грифы. Сотрудники органов внутренних дел к ознакомлению не допущены, – Мусин, взглянув мельком на зал, передаёт ещё один документ, на котором видна только одна яркая печать в форме государственного герба и красным шрифтом внизу человек с очень хорошим зрением может из первого ряда прочесть слово «ПРЕЗИДЕНТ».

Судья минут пять читает все переданные секретарём документы, потом поднимает глаза:

– Генеральная прокуратура, по объекту охраны что у вас?

– Член семьи секретоносителя высшей категории. Заявка на взятие под негласную охрану с СГО согласована за неделю до происшествия, – уже поднявшийся Бахтин подходит к секретарю и передаёт один за другим три листа. – Вот заявка, приказ и уведомление о взятии под охрану.

– Что за член семьи? – спрашивает судья, глядя поверх очков на Бахтина.

– Беременная женщина на последнем месяце, – твёрдо говорит Бахтин, глядя судье в глаза.

Судья вздыхает и поворачивается к ряду, в котором сидят сотрудники полиции:

– Полиция, поясните служебную необходимость вскрытия помещения с беременной женщиной в родильном отделении?

Полковник со знаками «Отличника органов внутренних дел» поднимается из первого ряда:

– Решение принималось на месте, исходя из конкретной оперативной обстановки. Все компетентные в вопросе сотрудники погибли на месте, – полковник бросает неприязненный взгляд на Саматова, также сидящего в первом ряду, но в другом секторе.

– Я не спрашиваю, кто принимал решение и где он сейчас, – нейтральным тоном произносит судья. – Я спрашиваю, какова служебная необходимость финансовой полиции осматривать родильное отделение?

– Мне это неизвестно, – неохотно говорит полицейский,

снова неприязненно глядя на Саматова.

– Значит, обоснования у вас нет... – бормочет судья, что-то записывая на отдельном листе. – Служба обороны объектов, пожалуйста, изложите ситуацию, как непосредственные участники событий!

Капитан Саматов поднимается, подходит к подиуму, поворачивается влоб так, что его видят и полицейские в зале, и судья. В отличие от полковника МВД, у Саматова на груди – никаких орденов, медалей либо иных нагрудных знаков, кроме трех нашивок: одна – красного цвета на голубом фоне и две жёлтые – также на голубом фоне¹.

¹ Нагрудные знаки числа и тяжести ранений военнослужащих Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан

– Согласно боевому приказу, прибыли на дежурство по охране объекта. В девять ноль три, в момент пересменки, зафиксировали попытку проникновения в охраняемую зону, – сухо говорит Саматов. – Как старший по объекту, взял под свое командование оборону объекта, согласно требованиям оперативной обстановки. О незаконности проникновения на охраняемый объект дважды предупредил нарушителей лично. Видеозапись в режиме реального времени с места происшествия должна быть передана в суд с главного вычислительного центра СГО.

Секретарь суда ловит взгляд судьи и кивает, опуская веки

1	ПРИ ЛЕГКОМ РАНЕНИИ	ПРИ ТЯЖЕЛОМ РАНЕНИИ
		
	Одно ранение	Одно ранение
		
	Два ранения	Два ранения
		
	Три ранения	Три ранения

глаз.

– Продолжайте, – недовольно говорит судья, глядя на ряд, в котором сидят сотрудники полиции.

– Группа неустановленных лиц в количестве семи человек, в форме МВД, частично вооружённых по регламенту спецподразделений МВД, но без штурмовых щитов и без штатных жилетов, приступила к вскрытию двери в охраняемое нами помещение в девять ноль четыре. В девять ноль девять, после вскрытия двери в помещение, нарушители были уничтожены в соответствии с инструкцией... и боевым приказом. По прибытии старшего офицера Службы обороны объектов, командование обороной объекта было передано полковнику Мусину. Я окончил.

Саматов возвращается на своё место, игнорируя взгляды из сектора полицейских.

– Кто-то хочет что-то добавить? – окидывает судья всех присутствующих взглядом поверх очков.

Все присутствующие молчат. В глазах сотрудников полиции откровенно читаются сильные эмоции.

– Ну, и зачем этот цирк? – судья впивается взглядом в полковника со знаками «Отличника органов внутренних дел» на груди и продолжает далее, полностью нарушая стандартный регламент заседания, – Необходимости не было. Пояснить вы ничего не можете. Ваши семеро никаких внятных документов не предъявили. По факту – вообще ломились к беременной женщине. И это – финансовая полиция. В

роддом! ЗАСЕДАНИЕ ОКОНЧЕНО! ВСЕ СВОБОДНЫ! – судья с каким-то ожесточением ударяет молоточком и с облегчением смотрит на председателя суда, который одобрительно опускает веки.

Мужчина в костюме поднимается к приставному столу Председателя суда, кладёт на стол какой-то лист бумаги и говорит, обращаясь к Председателю суда:

– Вот уведомление об изъятии Администрацией Президента этого дела из вашего архива. Пожалуйста, передайте нам всё с фельдъегерем завтра, не позже десяти ноль-ноль. Спасибо, что быстро разобрались.

Мусин с Бахтиным покидают зал заседаний первыми, о чем-то переговариваясь. Далее из дверей тонким ручейком начинают выходить полицейские. Капитан Саматов, идущий метрах в пяти сзади Мусина, на выходе сталкивается в дверях с полковником МВД со знаками «Отличника органов внутренних дел» на груди. Полковник МВД выше Саматова на полголовы, пытается врезаться плечом в Саматова, цедя сквозь зубы: «С-сука!».

Саматов делает шаг назад. Полковник «проваливается». Саматов возвращается, делая шаг вперёд, и подходит к полковнику вплотную. При этом пристально глядит ему в глаза.

Полицейские вокруг спохватываются, с криками «Эй!», «Хватит!», «Прекратите!» оттаскивают полковника от Саматова.

Саматова крепко держит за руку левой рукой полковник Мусин, стоящий на полшага сзади. Правая рука Мусина находится за полой кителя.

Бахтин, обернувшись на шум, вначале также тянется правой рукой в направлении внутреннего кармана кителя, потом, оглядевшись, медленно опускает правую руку. Возвращается назад и, возвышаясь над Мусиным и Саматовым, обнимает их руками за плечи и подталкивает в направлении лестницы со словами: «Погнали. Плюньте. С меня причитается».

Саматов замирает на секунду, потом тихо говорит:
— Пятнадцать секунд.

Мусин со вздохом отпускает руку Саматова и отходит на шаг назад. Бахтин с недоумением смотрит на Мусина и Саматова.

Саматов возвращается на два шага, снова вплотную подходит к полковнику в полицейской форме, которого уже отпустили сослуживцы, и говорит, глядя ему в глаза:

— А я ведь не против и ещё раз встретиться. Хоть с тобой, хоть со всеми вашими. Раз вы такие мастера по беременным бабам.

Полковник молчит и тяжело дышит, глядя в глаза Саматова.

Некоторые из присутствующих сотрудников полиции, внешне похожие на сотрудников итурмовых подразделений, смотрят тяжёлыми взглядами на нашивки на груди Сама-

това.

В разговор никто не вмешивается.

Все вокруг замерли.

Саматов что-то очень тихо говорит, разворачивается и присоединяется к Бахтину с Мусиным.

Под неодобрительными взглядами полицейских они уходят в сторону лестницы.

Я почему-то не ожидал, что теннисные баталии завершатся так резко на самом интересном месте. Только вошёл во вкус, почувствовал азарт и разыгрался – пора сворачиваться.

Впрочем, я и сюда ехать не хотел, хотел отоспаться дома. А сейчас ни разу не жалею, что поехал. Может, и на картинге будет что-то интересное?

– Как поедет? – спрашивает Вовик, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да на мне, наверное, какие ещё варианты? – откидывает волосы со лба Лена.

Сзади подходит её отец, который уже спустился с этажа, обнимает её и говорит:

– Я на себе еду. Я с вами. Могу к себе взять Вову. Или Вову с Аселей.

– Па-а-ап, а тебе вот прямо интересно с нами на картинге? – удивляется Лена.

– Мы же потом с Вовой стрелять собирались, – напоминает Роберт Сергеевич. – Картинг мне не особо интересен. Хотя, возможно, и тряхну стариной... А вот в тир с Вовой попалить потом – я с удовольствием.

– А мама одна останется?

– Да у неё какой-то сериал по плану и телефонное общение с роднёй, – недовольно отвечает Роберт Сергеевич.

Лена прикусывает язык в углу рта, замуривает один глаз и качает рукой перед носом Роберта Сергеевича, вопросительно глядя на него.

Асель и Вова отошли ближе к зданию и стоят метрах в двадцати от нас.

Роберт Сергеевич тяжело вздыхает и говорит, явно обращаясь не только к одной Лене:

– Ленка, не придавай ты такое значение материальным вопросам! Не хочешь – можешь вообще ничего не брать... Не будем из-за этого ссориться, такой хороший вечер... Но ты мне скажи, как себя будут чувствовать *любые* родители, зная, что они бесполезны для единственного своего родного ребенка? Которого любят? Жизни никого не учу, но иногда не брать что-то от родителей – это не самостоятельность. А гордыня. При этом я изначально более чем рад вашей с Александром самостоятельности! Не скрываю! Если ты заметила, по вопросу твоего проживания с ним лично у тебя не возникло вообще ни малейших шероховатостей со мной и с матерью! Отгадай, кто на твою мать намордник надел? Ты же не думаешь, что это Зоя сама на старости лет тактичность проявила?!

Я понимаю, что тут разыгрывается какая-то семейная сцена, в которой чувствую себя неловко.

Молча отхожу в сторону и присоединяюсь к Вове с Асель.
– ...ещё постреляем после картинга, – слышу, подойдя, слова Вовы.

Мы ещё пару минут болтаем ни о чём, когда Роберт Сергеевич с Леной присоединяются к нам.

– Вова, бери Аселю, садитесь ко мне, – улыбаясь чему-то своему, предлагает Роберт Сергеевич. – Порулить дам. Садитесь сразу вперёд – ты за руль, я на заднем, по-стариковски.

Я уже понял, что все без исключения представители мужского пола тут почему-то испытывают какое-то нездоровое влечение к управлению колёсной техникой большого размера. Вова не оказывается исключением.

Вижу, предложение Лениного отца его «зацепило». Он за руку утаскивает смеющуюся Асель, которая не знает, к кому садиться:

– Пусть Лена с Сашкой вместе поедут – надо же и им когда-то побыть вдвоём! – проявляет неожиданную тактичность Вова.

– Аська, точно. Слушай своего мужика. Мы с Мелким и вдвоём доберёмся! – неожиданно поддерживает Вову Лена.

Тронувшись, как всегда, с пробуксовкой, Лена, улыбаясь каким-то своим мыслям, говорит в машине:

– Ты уже понял? Батя всё про эту карту. Он какой-то такой потерянный сейчас стоял... Жалко так его стало.

– Лен. Мне сейчас очень жаль, что я *тогда* допустил до такого с твоими родителями, – кладу на её правое бедро руку, которую она тут же накрывает своей рукой, управляя машиной только левой. – Взяла и взяла. Я в стол, кстати, поло-

жил. И сейчас думаю: возможно, я просто тебе где-то зави-
дую в душе? В плане родителей? Что они над тобой и в два-
дцать с лишним трясутся, а у меня... Что об этом говорит
психология?

– Психология говорит, что ты – взрослый тип, обманом
проникший в маленького мальчика, – весело отвечает Лена,
ещё крепче прижимая мою руку к своему бедру.

Я только что зубами не клацаю.

– Даже не буду говорить, насколько ты близка к истине, –
роняю замогильным патетическим тоном.

Лена смеётся.

– Единственный вопрос: тебе нужны какие-то деньги сей-
час? Хотел ещё тогда спросить, когда у Вовки карту брал.
У тебя же, может, есть какие-то расходы, о которых я и не
знаю?

– М-м-м, нет, ты не взрослый, Мелкий. И вовсе не ковар-
ный ловелас, – Ленина рука по-прежнему лежит на моей. –
Взрослый и опытный мужчина никогда не задал бы такого
наивного вопроса женщине! Конечно, нужны! И побольше!

Мы оба смеёмся.

– Мелкий, но я тебя сразу предупреждаю. Когда у тебя
в твоём мелком лице каникулы? В начале ноября? Одежду
покупать поедem в Дубай. И вот там карта будет актуальна.
Два вопроса в этой связи. Ты согласен? И что у тебя с за-
гранпаспортом и возможностью самостоятельного выезда за
рубеж в твоём детском возрасте?

– Вопрос понятен, отвечаю... Первое. Я, честно говоря, думал скопить к тому времени за пару месяцев и тебя за свои вывезти, – задумчиво тру за ухом. – Но я сейчас думаю, что, возможно, не представляю уровень твоих запросов и возможных расходов.

– Какой бюджет планировал? – улыбается Лена.

– Ну, перелёт из расчёта шестьсот баксов туда-обратно на двоих, ЭЙР АРБИЯ же по триста. С нашими паспортами визы уже год как не нужны. Отель – из расчёта тысяча за неделю. Вот там только полторы на кармане, – честно признаюсь в собственной несостоятельности. – Наверное, маловато...

– Не буду тебя мариновать, хотя и хочется, – веселится Лена. – Не так уж и мало, уже молчу про твой возраст. Но – да, я добавлю... Пока без деталей. Кстати, если не лениться и шататься по Дейре – можно всё то же самое купить и дешевле, чем в DUBAIMALL или в MALLOFTHEEMIRATES.

– Ну, посмотрим ещё, сколько мне Котлинский за патронаж на той неделе выделит. И как на чистке с делегированием пойдёт.

– Сашка, хватит рефлексировать, – первый раз за всё время называет меня по имени Лена. – Всё нормально. Батя правильно сейчас сказал: родные люди – на то и родные, чтобы, в том числе, быть нужными друг другу. И иметь возможность протянуть руку, когда это логично.

– Лен, вот тут я чувствую себя недостаточно компетентным, чтоб продолжать разговор – ты ж в курсе моих родите-

лей...

– Да. Потому меняю тему. Повторяю второй вопрос. Что у нас с твоим загранпаспортом и возможностью самостоятельного выезда за рубеж в твоём детском возрасте?

– Паспорт же есть. Я ведь езжу со сборной. У деда – доверенность от родителей с правом передоверия на сопровождение меня, он обычно на тренера оформляет сопровождение для выезда из страны. Оформит на тебя в этот раз – ты ж совершеннолетняя. Хотя ситуация несколько гротескная. Вот мне сейчас и смешно, и неловко, – честно признаюсь под Ленин оглушительный хохот, к которому присоединяюсь сам.

– Аську с собой берем и Вовика? – отсмеявшись, спрашивает Лена.

– Да мне без разницы. Номера же в отеле разные?

– Конечно!

– Ну, тогда без проблем. Лен, один момент. А зачем нам в Дубай за одеждой, если ты у родителей гардероб можешь забрать?

– Во-первых, женщине шмоток много не бывает, кое-кто действительно Мелкий, если задаёт такие вопросы, – показывает язык Лена. – Во-вторых, тебя одеть. Мы же будем с тобой везде бывать вместе. Согласен?

– Да.

– На мне – и так психологическая нагрузка из-за твоего возраста и статуса, согласен?

– Да.

– Вот теперь ты мне скажи: как ты должен быть одет, чтоб ни у кого и тени сомнения не возникло в том, что ты меня действительно достоин? Чисто по внешним атрибутам?

– Безукоризненно... – бормочу, соглашаясь с очевидным. Да, такой поворот мне в голову не пришёл.

– Не просто безукоризненно, Саш. Стильно, дорого и со всей атрибутикой высшего света. Такова жизнь, – серьёзно говорит Лена. – Хорошо, что на начало школы у тебя летние костюмы в порядке – до ноября ж у нас жара. А в конце октября – как раз твои каникулы. Поедем, осенний и зимний гардероб подберём. И кстати, Мелкий!

– Ну вот, а только что так хорошо по имени стала называть, – сокрушённо качаю головой.

– Вот не перебивай! Тебе ж Аська как женщина нравится? Внешне?

– Ну-у-у, да.

– Потому что азиатка?

– Наверное, я в себе не копался. Очень вероятно.

– Ну вот, в Дубае есть массажные салоны. Несмотря на внешнюю религиозность. В салонах – китайянки, тайки, филиппинки. В общем, скажи спасибо, что у тебя раскованная и современная вторая половина – врач. Проведу по паре салонов... Но только со мной! Будешь должен по гроб жизни...

– Заинтриговала, – честно признаюсь. – Но ты же сейчас не о «левом» сексе непонятно с кем? Особенно учитывая твою ревнивость и мою консервативность, – чуть сжимаю свою ла-

донь, лежащую на Ленином бедре.

– А вот помучайся... Хе-хе. Доживёшь – узнаешь... Нет, секса с левыми тёлками не будет. Только со мной. Но тебе понравится...

– Заинтриговала.

– На то и расчёт! Так, приехали...

* * *

Клуб картингистов оказывается огромным подвалом под одним из комплексов в центральной части города, занимающим целый квартал. Есть три трассы разного уровня сложности.

Похоже, Лену и Асель тут знают. Оплачиваем вход, как участники, и через минуту уже сидим в рычащих маленьких машинках, ожидая команды.

Не знаю, какого уровня сложности эта трасса, но на заезде из пяти кругов Лена с Асель обгоняют лично меня на два круга. Вова – на один, но до девочек ему очень далеко.

Мы с Вовиком выбываем с этой трассы из борьбы за, оказывается, какие-то призовые места и переходим на трассу для начинающих.

– Сашка, не парься! – кричит из своей машинки Лена. – Это самая сложная трасса! Всё, ждите!

И они с Асель в окружении ещё шести машин стартуют на второй заезд.

Мы с Вовиком делаем пять кругов на трассе попроще, для самых начинающих, где всё это время, как оказалось, катается Роберт Сергеевич. Ленин отец смешно смотрится за рулём маленькой машинки, но при этом выглядит настолько довольным, что этим невольно заражает и нас.

Когда мы втроём заканчиваем второй заезд по самой лёгкой трассе без учёта времени, Лена с Асель уже ждут нас, потрясая каким-то стеклянным кувшином на двоих: оказывается, кто-то из них вошёл в призёры. А это – их кубок.

К их сожалению, никто из нашей мужской компании не в состоянии оценить всё величие их победы, и мы на двух машинах отправляемся в тир на ночные стрельбы.

Куда меня, к неудовольствию Роберта Сергеевича, не пускают. Старший прапорщик средних лет, ничуть не стеснясь моего присутствия, говорит открытым текстом:

– Роберт Сергеевич, ему нет восемнадцати? Извините. И речи быть не может...

Впрочем, я вижу, что Лена не особо горит желанием идти внутрь, потому и сам не настаиваю:

– Роберт Сергеевич, да бог с ним! – говорю Лениному отцу. – Идите втроём! Мы с Леной в машине посидим и вокруг погуляем. Не беспокойтесь, я лучше Лену вот выгуляю.

Тир, точнее, огороженный мини-полигон, расположен в пригороде, в открытой степи, где полудикая природа радуется неповторимым буйством уходящего лета.

Вова, Роберт Сергеевич и Асель предаются колебаниям

недолго, и вскоре исчезают за проходной.

А мы с Леной садимся в её машину, поднимаем тонированные стёкла, непрозрачные в темноте, и тоже не скучаем...

* * *

Таможенный пост ДРУЖБА, железнодорожная станция ДРУЖБА, пограничный переход со стороны Китайской Народной Республики.

Двое сотрудников таможенного поста станции перехода стоят перед одним из множества контейнеров вместе с мужчиной в костюме, являющимся собственником груза в данном контейнере.

– Вы затягиваете осмотр вторые сутки. Положенные сроки окончились вчера, – спокойно говорит мужчина в костюме. – Какие проблемы? Я прибыл в тот день, когда вы прислали нам уведомление. Вторые сутки живу в степи. Почему не вскрываем и не досматриваем контейнер? В присутствии грузополучателя?

– У нас много контейнеров в очереди, – насмешливо глядя в глаза спрашивающему, говорит один из сотрудников таможни. – Вон, до самого терминала – все в очереди на осмотр.

Мужчина в костюме смотрит, куда показывает сотрудник таможни: в степи на много сотен метров действительно стоят грузовые контейнеры, каждый из которых, по

новым правилам, необходимо полноценно осматривать при ввозе на территорию Таможенного союза.

— Каков ваш прогноз по срокам? — так же спокойно спрашивает мужчина. — До какого дня мне тут жить у контейнера?

— На пятые сутки, — отвечает второй таможенник. — Ещё три дня. На пятые сутки досмотрим.

— Вы понимаете, что это нарушение правил и сроков? — не сдаётся собственник груза.

— За пять дней простоя лично наш штраф составляет менее ста долларов, — улыбается таможенник. — На пятые сутки выпустим.

— А варианты?.. — намекает собственник груза.

— Семьсот.

— Получается, даже если один из пяти декларантов на вас жалуется, вы отдаёте сто долларов штрафа за его контейнер, но три с половиной тысячи навару? — вслух размышляет собственник груза. — Неплохо...

— Даже не представляешь, насколько неплохо, — улыбается второй сотрудник таможни. — Хорошо, что ты всё понимаешь. Так что, платишь? Или подождёшь до вторника?

— Ну, вы не оставляете мне выбора... — собственник груза лезет в карман за бумажником.

— Как приятно иметь дело с умным человеком, — начинает улыбаться и первый сотрудник таможни.

— Считайте! — с видимой злостью передаёт деньги муж-

чина в костюме.

– Да всё в порядке, мы вам верим, – улыбается первый сотрудник таможни, пряча деньги в карман. – Пойдёмте на пост, оформим акт досмотра.

– И что, даже вскрывать не будем? – удивляется собственник груза.

– Считайте, мы его только что вскрывали и досматривали. Идём вам навстречу. Цените! – поднимает палец второй сотрудник таможни.

Собственник груза и сотрудники таможни идут почти километр к зданию поста мимо вереницы контейнеров, ожидающих очереди на досмотр.

В здании поста сотрудники таможни садятся за большой стол, расположенный буквой Т, и начинают заполнять какие-то стандартные бланки.

В этот момент в помещение входят четыре человека, внешне очень похожие на собственника груза. Собственник груза при их появлении встаёт со стула, на который присел, и говорит сотрудникам таможни:

– Майор Кузнецов. Национальное бюро по противодействию коррупции. Процедура контроля таможенной границы, – и обращается к вновь вошедшим: – Запись окончена. Деньги вон у того во внутреннем кармане. Зовите понятых и несите лампу – метки сличать.

Вова с Робертом Сергеевичем и Аселей звонят нам минут через пятнадцать после того, как мы расстались у проходной тира, чтоб сказать, что ещё минимум час будут тут.

Мы с Леной решаем их не ждать, по телефону прощаемся и едем домой.

Быстро, на две минуты заскакиваю первым в душ и с удовольствием вытягиваюсь на большой кровати, освобождая душ для Лены. Буквально через минуту из ванной слышится Ленин голос:

– Са-а-аш, я возьму твою новую бритву одну?!

– Бери, если надо! – кричу, чтоб перекрыть шум воды в ванной. – Стесняюсь спросить, зачем!

Ленина голова на секунду высывается из-за двери ванной и говорит:

– Можешь в моём телефоне, пока ждёшь, посмотреть последнее сообщение от Аськи. Для любителей естественной красоты...

Лена исчезает за дверью ванной, а я, заинтригованный её словами, делаю, как она говорит.

И смотрю на картинку, присланную Аселей:

– Лен, а это точно женщина?! – спрашиваю через минуту в щель двери ванной.

– Точнее не бывает... – бормочет Лена. – Она, как и я, не попала на депиляцию, но у неё не оказалось под рукой новой бритвы своего парня... Всё, мелкий, закрой дверь! Скоро буду...

Лена заснула.

Мне не спится: когда хотел спать, не дали. Сейчас уже не хочется.

Поворочавшись ещё какое-то время, пытаюсь ещё раз снять бессонницу предсказуемым методом. Но получаю по рукам от Лены, которая, не открывая глаз, говорит:

– Сплю. Утром.

Ну, утром так утром...

Неслышно выбираюсь из постели, закрываю за собой дверь в спальню и шагаю на кухню. Мой ноут тут, есть что почитать.

Давно назревала необходимость подтянуть теорию. Сейчас эта необходимость совпала с наличием свободного времени. Хотя и среди ночи.

То, что местная медицина не нашла инструментов, не значит, что она не понимает физики процесса. Шанс, как уже говорилось, небольшой, но реализовать его нужно на все сто процентов.

Погружаюсь в поиски теоретического материала и его чтение.

На понятное мне объяснение через час натываюсь почему-то у военных медиков. Видимо, в силу специфики им нужно уметь объяснять сложные вещи простым языком.

Ограниченным в образовании индивидуумам. Типа меня...

Рак – упрощённо говоря, клеточная мутация. С определёнными уточнениями. Каждую секунду в организме происходят сотни тысяч, если не миллионы изменений хромосомного аппарата. Однако тысячей раков в секунду мы не заболеваем. Большинство мутаций не опасны, и хромосомные поломки корректируются, не выходя из клеточного ядра – на то есть специальные программы на клеточном уровне. Их я, кстати, тоже «вижу». И даже пытаюсь отредактировать – например, в тазобедренном суставе, причём, тьфу три раза, кажется, безуспешно...

Но некоторые мутации «прорываются» за барьеры корректирующих «программ». По-хорошему, и это бы не проблема: у организма на то есть иммунная система. Мутировавшие клетки в первую очередь определяются лимфоцитами и моментально ими же уничтожаются.

На своём уровне, по опыту, «вижу», что управляемое голодание повышает эффективность этого процесса в разы.

А вот тут начинается наш «затык». Разные лимфоциты имеют разные функции. По-хорошему, уместно говорить об их Системе. Есть те, которые уничтожают мутировавшие клетки. Но сами по себе они бессильны, им нужна «подсветка цели» другими лимфоцитарными клетками. Сами они мутировавшую клетку просто «не видят». А вот почему не видят – на этот вопрос ответа пока нет.

У местных.

Я – вижу.

Таким образом, рак – это не только и не столько мутация, сколько комплекс факторов: мутация плюс брешь в системе «распознавания».

Как только организм принимает мутировавшую клетку за нормальную, эта мутировавшая клетка сразу начинает реализовывать свою «сбитую» программу внутри организма: размножаться и угнетать всё вокруг.

Чем заканчивается – всем известно.

Дочитываю на всякий случай до конца. На начальной стадии такую опухоль можно вырезать.

На последней стадии, когда опухоль набросала своих клеток во все органы, или, если по-умному, распространила метастазы, операция совершенно бесполезна.

А вот дальнейшая строка заставляет меня сосредоточиться и перечитать её дважды: *в виде редчайшего казуса в мировой практике имелись единичные наблюдения, когда иммунная система восстанавливала контроль над ситуацией, и происходило самоизлечение от рака.*

Иначе говоря, прецеденты «ремонта поломки» история знает. Просто *методика* «ремонта», судя по этой фразе (встречающейся, кстати, в массе местных источников), осталась за рамками понимания местными.

Либо, как вариант, был отдельный индивидуум, который снаружи «подсвечивал» лимфоцитам пациента цель в виде мутировавших клеток...

Зачитавшись и задумавшись, ловлю себя на непреодолимом желании пройтись.

Состояние, которое испытываю прямо сейчас, близко к эйфории. Есть очень большая разница между словами: «нерешаемая проблема» и «проблема, не решаемая большинством известных сегодня методик».

Понимаю, что если дам себе волю, то прямо сейчас разовью бурную деятельность в квартире и, скорее всего, разбужу Лену. Например, в порыве энтузиазма начну что-нибудь готовить на кухне, начав греметь кастрюлями.

Чтоб обуздать не уместные среди ночи порывы, наскоро одеваюсь и выхожу на улицу.

Шагаю по микрорайону, наслаждаясь летним ночным теплом. Иду в сторону спортплощадки: надо выплеснуть явно ненужный излишек энергии. Появившийся после понимания, *что* нужно сделать.

Пока, правда, не понимаю, *как*. Но уже предполагаю, как буду с этим разбираться.

На спортплощадке прохожу по очереди брусья, турник, снова брусья.

Потом зависаю на наклонной доске для пресса на три минуты. По окончании упражнения остаюсь лежать на доске для пресса головой вниз, глядя в небо и перебирая варианты.

«Подсветить» опухоль и её метастазы лимфоцитам снаружи – раз. Для меня – решаемо. Муторно, вагон работы, но – решаемо. Примерно как столовой ложкой разгрузить бочку сахара. Занудно, но более чем реально.

На уровне контраста частот попробовать обучить «родные» лимфоциты конкретно данного организма «видеть» раковую мутацию. Два.

Комбинация первого и второго вариантов – три.

Перебираю в голове варианты расстановки игл на теле и подаваемых частот.

В этот момент на площадку трое мужчин вытаскивают женщину.

Наверное, они меня просто не видят – лежу на доске для пресса, сливаюсь с фоном, ещё и в теневом углу.

Они начинают переговариваться, для меня вполне различимо. Кстати, лично я вижу их очень отчётливо. Даже какие-то рисунки на них, сделанные на нижних слоях кожи несмываемой краской.

– Жива? Ты не сильно её?

– Да жива, очухается... Хотя, всё равно потом в расход. Не оставлять же!

– Ну, так ещё по разу пройдемся!

Поначалу я невнимательно посмотрел. Женское тело на поверку оказывается девочкой моего возраста. Без сознания. Несколько раз уже изнасилованной. Именно этой троицей. Физиологические жидкости вообще очень контрастны в про-

екции, тем более чужие...

Уже выученные мной подробности анатомии не оставляют места для двойного толкования.

Все самые большие неприятности и проблемы в этой жизни происходят неожиданно. Я это понял давно, ещё *там*. Когда вначале попал в состав десанта по запаре, ну и потом, соответственно...

Предусмотреть мозгами всего в этом мире невозможно — слишком много вариаций. Потому у нас есть рефлексy.

В отличие от *местных*, *там* рефлексy были двух уровней: у людей и у общества.

У местных рефлексy общества отсутствуют. По крайней мере, *здоровые* рефлексy общества. Я это давно понял.

В отличие от местных, мне не нужно ломать голову, что делать в этой ситуации. На это есть стандартный, единственно правильный рефлекс.

С полсекунды перебираю варианты: идти обычным путём или дать шанс, в соответствии с правилами этого общества.

Через полсекунды неконструктивно решаю: пусть будет шанс.

«Отпускаю» ноги из зажима на доске для пресса, совершая, вернее, завершая кувырок назад, чтоб встать на ноги.

До них — пятнадцать шагов.

Они меня увидели. Иду навстречу.

— Стали на колени, руки за голову, — произношу достаточно громко, чтоб они слышали.

– О, гля! – удивляется первый.

– Он же ж всё пропас! – говорит второй.

– Ну и... – машет рукой третий, и они направляются навстречу мне.

– Стали на колени, руки за голову. Я предупредил, – я уже вижу, что действовать в соответствии с местными правилами было неконструктивно. Но, как говорится, если зарядил – стреляй. – Три. Два. Один, – добросовестно заканчиваю своё предупреждение.

Счёт «один» приходится на тот момент, когда нам друг до друга остаётся около двух метров.

Они берут меня в полукольцо, вероятно, полагая это успешной тактикой. Тот, который размахивал руками, пытается без затей схватить меня пальцами за гортань.

Второй приготовил за спиной какой-то свинокол, думая, что я его не вижу. И сейчас решил, что самое время продублировать усилия первого.

Ну, если так ставят вопрос...

Смещаюсь чуть в сторону так, чтоб первый и второй закрывали от меня третьего.

Ближайшего – виском о железную трубу лабиринта – есть хруст. Конвульсии ещё падающего тела. Жаль, нельзя полюбоваться второй раз. Минус один.

Второй оказывается самым быстрым и пытается перфорировать меня своим свиноколом, но не с его зрением и темпом воевать в темноте. Двумя шагами влево-вправо обхожу

его по дуге и ударяю ногой назад, в его поясницу. Его грудь встречается с перекалиной лабиринта – шок, у меня есть время. Ножа, правда, он из рук не выпускает. Вернее, какого-то шила, переделанного из отвёртки.

Третий, видимо, ещё не включился. Ему без затей быю в кадык. «Подключаясь» к его нервной системе, усиливаю скорость формирования отёка. Резервов его организма на это не жалею. Они ему больше не понадобятся. Секунда. Есть. Отёк.

Минус два, пусть он пока и царапает переставшую пропускать воздух снаружи гортань. Счёт на секунды. А инту-бировать его тут просто некому. Вернее, есть кому, но я не буду.

Со вторым всё просто. Он сам загоняет свою отвёртку себе в глаз. Своей рукой, которую я держу.

Бросаюсь на колени. Девочка жива. Относительно здорова. Её нокаутировали, но переломов нет.

Есть понятные повреждения понятного характера.

Концентрация. Скан. Автономной генерации нет. Слава богу, инфекций ей не занесли. Период тоже не фертильный, детей от этих мразей у неё не будет.

Участок травматических воспоминаний об этом случае в её мозгу мне видится ярким контрастным пятном.

Тут нужно не налажать. Очень маленький объём. С мозгом раньше почти не работал. Но и варианта оставить всё, как есть, тоже нет.

Хорошо, что я постоянно тренируюсь. Хорошо, что я постоянно тренируюсь не только в зале бокса. Хорошо, что я давно освоил «зум».

Увеличиваю проекцию до максимума.

Стереть её воспоминания я не могу. Но я могу попробовать откорректировать её эмоции. Забыть она ничего не забудет – но может в будущем не испытывать никаких эмоций при воспоминаниях.

А воспоминания, которые не вызывают эмоций, вскоре сами по себе забываются.

Подача другой частоты на некоторые участки памяти действует подобно тому, как магнит – на древнюю магнитофонную ленту.

Обнуляет.

Главное – убрать эмоции. Не было возможности практиковаться, но, кажется, справляюсь. Подаю частоту, куда надо.

Хорошо, что я хорошо бегаю. До НОВОЙ КЛИНИКИ, выкладываясь по полной, добегаю за семь минут.

Звоню в бокс акушерского отделения снаружи. Знакомый голос называет меня по имени (видимо, не только у нас на мойке камеры имеют инфракрасный режим) и говорит через динамик:

– Что? Решил повторить подвиг полицейских?

Ха, этого парня я помню и знаю.

– Капитан Саматов, – улыбаюсь прямо в камеру. – Здрав-

ствуите. Я рад вас слышать. Пожалуйста, свяжитесь с Бахтиным. Это срочно, никак не касается вашей работы. Это нужно мне лично. Можете попросить Олега Николаевича срочно приехать сюда? У вас наверняка есть свои каналы связи.

– Жди. Сделаю, – говорит динамик на двери голосом Саматова, который, судя по голосу, спать на работе не ложится.

Бахтин появляется на своём допотопном джипе через пятнадцать минут. Вижу по нему, что он тоже ещё не ложился.

В течение минуты вываливаю на Бахтина все события последнего получаса без утайки.

– Девочка сейчас там, рядом с трупами, на площадке. Никакой прямой опасности нет, плюс помнить последней пары часов она не будет, – заканчиваю свой доклад.

Бахтин две секунды сверлит меня нечитаемым взглядом. Не читаемым для других.

– Почему так странно решил меня вызвать? – безэмоционально спрашивает он.

– Если бы я вам позвонил оттуда, мобильный оператор отследил бы место звонка. И вышло бы, что я звоню вам с места происшествия в момент происшествия, – объясняю вполне логичные, на мой взгляд, причины. – В нашей стране самозащита обычно наказывается строже, чем убийство. Это я сам вижу из интернета. На беспристрастное разбирательство надеяться не стоит. Я ошибаюсь?

– Не сильно, – кивает Бахтин. – Ты понимаешь, что пытаешься сделать сейчас соучастником меня?

Теперь киваю я.

– Почему ты думаешь, что я, несмотря ни на что, буду на твоей стороне в явно уголовном вопросе? Очень чревато для меня лично в случае любых утечек? – так же, безэмоционально, интересуется Бахтин. – Почему ты не предположил, что спокойствие моей жены и верность букве закона в моём случае окажутся сильнее?

– Потому что я, в отличие от остальных, знаю вас лично, – пожимаю плечами. – И вижу то, чего другие не видят либо предпочитают не замечать в вас. Чтоб не пугаться.

– Это что же, например? – наконец, заинтересовывается Бахтин.

– Вы не путаете цель с инструментом. Торжество закона лично для вас – не цель. А инструмент. Но многим этого проще не видеть – спокойнее живётся.

– А какая же у меня тогда цель? – снова сверлит меня взглядом Бахтин.

– Чтоб мрази не было, – искренне отвечаю то, что вижу, глядя ему в глаза.

– Давай тогда заново, – говорит Бахтин. – Цель твоей встречи со мной сейчас?

– Вызвать помощь девочке. Не привлекая внимания к себе, – откровенно обозначая свои «шкурные» мотивы.

– Это всё? – удивляется Бахтин.

– Да, а что ещё? – настаёт моя очередь удивляться.

– Допустим, ты каким-то образом вычислил либо знаешь мою систему ценностей, – начинает рассуждать вслух Бахтин. – Вполне реально, кстати. И знаний психологии никто не отменял, а я – личность достаточно открытая. И от других ты мог многое узнать, хоть и от Новикова. Допустим, ты грамотно вычислил, что я скорее промолчу, чем буду поднимать шум. Допустим. Ты что, действительно звал меня только затем, чтоб я вызвал ей скорую?

– Вы сейчас сознательно упрощаете и стараетесь казаться глупее, – морщусь. – Первое. Непосредственная опасность ей, давайте скажем, санирована... Но остался вопрос реабилитации. Ей нужна медицинская помощь, как минимум, по поводу сотрясения мозга. Два: я не мог вызвать никого, чтоб не светиться. Три: моя личная система ценностей очень отличается от прецедентной практики нашего государства.

– У нас прецедент не является источником правовой нормы... но я тебя понял... Продолжай.

– На спортплощадке я сделал только то, что надо. Доказать, что они собирались её убивать, я не смогу. Если только нет аппаратуры, определяющей достоверность того, что я говорю, – вопросительно смотрю на Бахтина.

– Доказательством в суде не является и как доказательств в суде не принимается, – отрезает Бахтин.

– Зачем тогда нужна такая аппаратура? – бормочу.

– Для внутренних и служебных расследований. В организациях, где двух подозрений достаточно, чтоб устранить живого человека. Даже без доказательств, – в упор смотрит на меня Бахтин. – Продолжай.

– Задача номер один – оказание помощи девочке. Номер два – по возможности, моё неучастие в развитии событий. Что смог – я сделал. И *не хочу страдать* от болезней общества. Если смогу, – откровенно смотрю в глаза Бахтину.

– Болезнь общества – это что в данном контексте? – хмуро спрашивает Бахтин.

– Болезнь общества – это когда три мужика, собирающиеся убить девчонку, потенциально рискуют меньше, чем тот, кто её от них защитит, – продолжаю смотреть в глаза Бахтину. – Есть такое понятие: *социальный рефлекс*. Для общества он важен так же, как для организма – физиологический. В обществе, в котором мы находимся сейчас, социальные рефлексы отсутствуют как явление. Но это не отменяет социальной ответственности отдельных людей.

– Например, тебя? – вопросительно заканчивает Бахтин.

– Или Вас, – парирую я. – Олег Николаевич, мы говорим уже пять минут. Семь минут я сюда бежал. Пятнадцать вы ехали. Пожалуйста, давайте решать. И решаться. Как вызвать скорую?

– Принимается, – бурчит Бахтин и выуживает из нагрудного кармана джинсовой рубашки телефон.

– Ало? – после второго гудка отвечает его абонент. Телефон стоит на громкой связи, потому всё слышу и я.

– Кузнец, ты мне срочно нужен, – бурчит Бахтин. – Можешь приехать прямо сейчас? Вот в эту минуту?

– Ты где находишься? – не удивляется его абонент.

– **НОВАЯ КЛИНИКА**, у Нового Моста, вход в акушерское отделение. Лавочка перед входом.

– Жди. Я в машине. Три минуты.

Через три минуты из потрёпанной, но бодрой старенькой «субару», затормозившей возле нас, выходит сорокалетний мужчина и быстро подходит к нам.

– Знакомьтесь, – хмурясь, кивает Бахтин. – Хотя вы заочно знакомы и даже по телефону разговаривали. Майор Кузнецов – Александр Стесев.

Кузнецов протягивает руку. Жму.

– Неожиданно, – Кузнецов выглядит озадаченно. – Что стряслось?

– Для меня – ещё более неожиданный поворот, – присоединяюсь к Кузнецову. – Олег Николаевич, не поясните? Мне трудно быть до конца откровенным, пока я не понимаю

подоплёки.

– Кузнец – единственный из моих более-менее близких знакомых, который сечёт в розыске, – начинает объяснять Бахтин, повернувшись ко мне. Кузнецов с интересом слушает. – И умеет при этом держать язык за зубами. Который дух Закона уважает больше буквы. Что в данном случае полезно. Ну, и твой случай у него – не первый. Однажды мы пересекались при аналогичных обстоятельствах. Когда дух закона противоречил букве.

– Было дело, – чему-то рассеяннo улыбается Кузнецов. – Так что у вас стряслось?

Бахтин в пятнадцать секунд вываливает Кузнецову ситуацию. Тот ни секунды не раздумывает:

– Обстановку уяснил. Первое. Задачи. Бах, какая самая первая?

Бахтин молча показывает указательным пальцем на меня.

– Девочка на спортплощадке, – говорю. – Оказать помощь.

– Сколько времени прошло?

– Около сорока минут в сумме.

Кузнецов кивает и набирает какой-то номер:

– Коля, ты на тумбочке?

...

– Можешь мне полицейскую сводку по городу и области качнуть прямо сейчас, сюда?

– ...

– Спасибо.

Бахтин звучно хлопает себя ладонью по лбу.

– Та-ак... Ну, вот. Звонок на центральный пульт... м-м-м... чуть меньше получаса назад, – сообщает Кузнецов, листая что-то на экране. – Анонимно, хе-хе. Запись голоса есть, но не факт, что установят: на ВЦ у ментов техника давно этого не решает, сталкивался... Полиция была на месте через три минуты и вызвала скорую. Скорая прибыла двенадцать минут назад, пострадавшая увезена в ЦГКБ. Со жмурами сейчас работают.

– Кажется, помощь девушке неактуальна, – смущённо трушу. – Ну, давайте теперь со мной разбираться. Что и как правильно.

– Снова тот же вопрос: какая стоит задача? – спрашивает Кузнецов, глядя на Бахтина.

– Проверить, правду ли он говорит, – бурчит Бахтин.

– Проверили. Правду, – говорит Кузнецов, не отводя взгляд от Бахтина.

– Шутишь? – подымает бровь Бахтин.

Вместо ответа Кузнецов подносит экран телефона к глазам Бахтина. Я тоже заглядываю через руку. На экране – фотографии крупным планом этих троих, с рисунками, выполненными синими чернилами на глубоких слоях кожи. На руках, груди, спине. Они одеты в майки, потому фрагменты рисунков чётко видны на фотографии.

– Бахтин, фото- и видеоотчёты всех патрулей уже давно

качаются на ВЦ, – сообщает Кузнецов. – Уже месяца три как. Это ты просто от уголовного процесса далеко и не пересекался.

Бахтин долго рассматривает экран телефона Кузнецова, потом говорит:

– И правда, блатота какая-то.

– Ну. Теперь ты мне скажи: **будут его искать?** – Кузнецов тычет пальцем в меня.

Виснет секундная пауза, Бахтин качает головой, как гравитационная игрушка.

– Девочка всё опишет. Их опознает. Ну, в морге опознает... – поправляется Кузнецов. – Если он, – тычок пальцев в меня, – сейчас врёт, и изнасилования не было, ты ж его через три часа снова встретишь! Только он не врёт...

– Да вряд ли, чтоб его искать, сломя голову кинулись, – продолжает качать головой Бахтин.

– Вот и я о чём. Теперь ты мне скажи, – поворачивается Кузнецов ко мне. – По какой дороге ты в этот парк шёл?

– Через ботанический сад. А в ботанический сад – по Космонавтов.

– Всё. Не «выводится», – кивает головой теперь Кузнецов. – Камер на маршруте нет. Лицо его нигде на маршруте не светилось. Свидетели были? – снова поворачивается он ко мне.

– Девочка без сознания. Людей в радиусе пятидесяти метров точно не было, а дальше я не чувствую... – отвечаю от-

кровенно.

– А дальше и не надо. Ты попробуй, опиши человека с тридцати метров среди ночи... – продолжает что-то листать в телефоне Кузнецов. – Если разглядишь... Стопроцентный «висяк». Ну, ментам «висяк». Как именно ты их?..

– Одного – виском об трубу.

– Рука где была?

– На противоположном виске. Гематом не было, если вы об этом...

– Какой образованный мальчик, – сверлит меня взглядом Кузнецов. – Дальше?

– Второго – в кадык. Отёк. Асфиксия.

Кузнецов медленно хлопает два раза в ладоши:

– Про третьего даже спрашивать боюсь.

– У третьего какое-то шило из отвёртки сделано было. Третий себе это шило в глаз вогнал. Вы поняли, – смотрю Кузнецову в глаза.

Кузнецов хихикает, потом морщится, потом поворачивается к Бахтину:

– Бахтин, даю девяносто процентов, дальше будет так: сейчас пройдутся по записям камер в радиусе километра. Никого не найдут. Потому что он там не ходил. Потом – опросят, кто что видел. На двух или трёх крупных улицах по соседству. Но тоже не найдут, потому что он через ботанический сад шёл, а там ни камер, ни народа ночью. А потом менты «раскопают» «обоюдку». И закроют всё по факту ги-

бели фигурантов.

– Думаешь? – задумчиво трёт лоб Бахтин.

– Девяносто процентов, – кивает Кузнецов. – Последний вопрос: самый первый человек, с кем ты после этого контактировал, кто? Бахтина сюда кто вытянул?

– Капитан Саматов, – киваю на дверь акушерского отделения. – Я добежал сюда, в микрофон попросил Саматова вызвать Бахтина.

– Бах, это какой Саматов? «Стрелок», что ли?

– Он, – хмуро кивает Бахтин.

– Телефона с собой нет? – поворачивается Кузнецов ко мне.

– Нет. Из дома не брал, – отрицательно качаю головой.

– Ва-ха-ха, ну тогда девяносто процентов превращаются в девяносто девять, – начинает непонятно для меня, но искренне (я это вижу) веселиться Кузнецов. – Саматов – это не утечка. Тем более, от него *к ментам*.

– Ты что, тоже в курсе? – задаёт не понятный мне вопрос Бахтин.

– Бах, об этом **все** в курсе! Такое дерби! Бах, я могу ему – кивок в мою сторону – кое-что откровенно сказать? При тебе?

– Валяй, – устало и безразлично кивает Бахтин.

– Александр. Два момента. Первый: забудь всё, что было. И помни, что ты – несовершеннолетний. У тебя тогда по телефону хорошо получилось меня достать... Второй мо-

мент: снова-таки, забудь. Это Бахтин у нас – большой государственный человек, который сводок по городу не то что не читает, а даже не знает, где их брать. Включая фотоматериалы с мест происшествий в сетке. А я тебе компетентно говорю: нарисуют там обоюдку и взаимные разборки между этой тройкой. И всё. Никому «висяк» в конце месяца не нужен... И лично моё мнение: я не знаю, что ты за человек. Но в данном случае не слушай Бахтина. У него вообще кличка «Маразм». Всё ты правильно сделал. Хотя я тебе этого говорить и не должен... Мужик. – Кузнецов толкает меня кулаком в плечо и поворачивается к Бахтину, – Бахтин, можно тебя на секунду?

Они отходят, но не далеко. Я всё равно слышу, о чём они говорят.

– Бахтин, я тогда бесился, а сейчас спасибо. Место нормальное, живая работа. С людьми – не с компом. Вчера вот таможенников на Дружбе брали... Реальная жизнь, одним словом! А не высасывание из пальца... Я не в обиде. Спасибо!

– Да я так и думал... Ну, бывай... Спасибо, что подъехал...

Они жмут друг другу руки, и Кузнецов, не прощаясь со мной, садится в машину и уезжает.

Бахтин возвращается ко мне и снова садится рядом на лавочку. Молча о чём-то размышляет – долго, минут пять.

– Олег Николаевич, вы сейчас пытаетесь понять, как от-

носиться к тому, что формально нарушаете закон вместе со мной? Идя на поводу у меня? – задаю прямой вопрос через несколько минут обоюдного молчания.

Бахтин молча кивает головой, глядя на носки своих туфель.

– Олег Николаевич, давайте так. Я не знаю, как вас успокоить, но скажу, что думаю. Если бы мне надо было даже жизнью рисковать в той ситуации – я б не задумывался. Потому что социальные рефлексy. Но я жизнью не рисковал. Не тот случай. А эти разрисованные клоуны – они действительно девчонку убивать собирались. Уже молчу, что они сделали... Я понимаю, что подключил вас, находясь в панике. Мне не так много лет. В теории я знаю, как надо правильно поступать. Но на практике такого никогда не делал.

Бахтин постепенно оттаивает и начинает прислушиваться более внимательно.

– Это – исключительный случай. И мы с вами никогда к нему не вернёмся, если такие вот события, как с этой девочкой, никогда нас с вами лично касаться не будут. Скажите честно: если б её надо было защищать, рискуя жизнью, лично вы бы отсиделись? Или вступились бы?

– Вступился бы, – хмуро кивает Бахтин.

– А если бы её вместе со мной – нас двоих – пинали?

– Вступился бы.

– Так вот, вы сейчас за нас с ней обоих и вступились. За неё и таких, как она – чтоб у меня был шанс ещё кому-то

помочь. Тьфу три раза. А за меня – что правильно девчонку заколоть не дал.

– Считается, – хмуро говорит Бахтин. – Но давай всё же без ретроспектив. И без возвратов к таким ситуациям.

На прощание бросаю на Бахтина частоту «спокойствия». Почему-то именно на него она «садится», как родная. Видимо, у него нет внутреннего желания нервничать дальше.

Бахтин делает несколько шагов к своей машине, потом оборачивается и говорит:

– Стоп. Ты сейчас домой?

– Ну да, – киваю. – А куда ещё среди ночи?

– Тогда садись ко мне, я тебя отвезу. От греха подальше. Чтоб ты ещё каких приключений на жопу не нашёл...

На улицах практически нет машин, потому доезжаем за три минуты, потеряв полторы из них на светофорах.

Ботанический сад, улица Космонавтов, спортгородок остаются в двух кварталах за бортом: видимо, Бахтин специально не хочет проезжать по тем местам и объезжает тот район стороной.

Возле моего дома звонит телефон Бахтина. На дисплее бортового компьютера машины высвечивается «КУЗНЕЦ». Кажется, бортовой комп и телефон Бахтина синхронизированы.

Бахтин нажимает какую-то кнопку на приборной доске машины, и голос Кузнецова, с которым мы только что расстались, заполняет всё пространство салона:

– Бах, я тут что подумал. Ты где обедаешь сегодня?

– Да мне без разницы, – пожимает плечами Бахтин, как будто Кузнецов может его видеть. – А что хотел?

– Александр рядом? – проявляет удивительную сообрази-

тельность Кузнецов.

– Да, мы в машине, по громкой оба с тобой сейчас говорим, – снова зачем-то кивает Бахтин.

– Давайте сегодня пообедаем вместе? На всякий пожарный. Скажем, в четырнадцать ноль-ноль в «Канате»? Александр сможет?

– Давай. Сможет, – отвечает за меня Бахтин и отключается. – Слышал? – оборачивается он ко мне.

– Слышал, – киваю. – Буду. Спасибо ещё раз.

– Иди уже, приехали, – бурчит Бахтин, включая громко какую-то странную музыку в тот момент, когда я покидаю машину.

Дома, наконец, чувствую, что бессонницу как рукой сняло. Быстро принимаю душ и засыпаю, едва коснувшись головой подушки.

* * *

Примерно в семь утра Лена просыпается и начинает собираться на своё дежурство. Встаем в итоге вместе.

– Завтракать будем? – спрашиваю.

– А что есть?

– Что скажешь. Самое быстрое – кальмар. Варится минуту.

– Давай.

Кипяток – из чайника. Пока кастрюля закипает – в блен-

дере перемалываю помидор и два сырых шампиньона на соус. Подумав секунду, добавляю чеснок, базилик и шпинат.

– Где ночью ходил? – интересуется Лена, пытаясь быстро проглотить горячего кальмара.

– Вот специально соус холодный! Ну что ты, как пятилетняя?.. – подвигаю к ней соусницу. – Да на спортплощадку ходил. Лучше не спрашивай, без подробностей... Идея одна посетила, по медицинской части. Даже спать перехотелось. Какой-то нездоровый энтузиазм – сон как рукой сняло. Хотел идею до конца додумать.

– Почему идеей поделиться не хочешь? – Лена, наконец, справляется с обжигающим кальмаром, залив его прямо во рту двумя ложками холодного соуса. – Может, подсказала бы что, – добавляет она с набитым ртом. Впрочем, её это нисколько не портит. В моих глазах, во всяком случае.

– Да могу и поделиться, если ты настаиваешь... Но, во-первых, со мной же твой Стеклов и мой Котлинский для оценки эффективности. Думаешь, им не хватит высоты лба заценить результат? – улыбаюсь, глядя, как она сражается со вторым горячим куском кальмара. – Во-вторых, боюсь сглатить. Вот честно тебе сознаюсь.

– Са-а-а-аш, – Лена, наконец, одолела и второй кусок и теперь начинает веселиться. – Ты, оказывается, чего-то боишься? Хе-хе! Мой железный Шурик, оказывается, вовсе и не робот.

– Ну, во-первых, я же не за себя боюсь. Там же вопрос в

другом человеке... А во-вторых, ну почему ты ешь как пятилетняя?! – выхватываю у неё с вилки третий кусок кальмара, который она по-прежнему несёт в рот, минуя тарелку.

Кладу кальмара на её тарелку, быстро режу ножом и двигаю тарелку к ней:

– Держи! Вот теперь лей соус в тарелку, а не в рот! И можно соус брать ложкой, а не заливать в рот из соусницы...

– Хм. Не додумалась, – продолжает веселиться Лена. – Саш, ну чего ты надулся? Тебе знакомо понятие «психологического выравнивания возрастов»?

– Нет, а что это? – мне действительно становится интересно.

– Традиционно считается, что если у партнёров ощущаемая разница в возрасте, то, при взаимной любви и уважении, они оба «сдвигаются» психологически по возрасту: старший партнёр – вниз. Младший – вверх. Типа, чтобы выровняться в унисон.

– Мне кажется, что у нас всё иначе, – бормочу, глядя, как четвёртый кусок кальмара повторяет бесславный путь первого. – Кто-то в свои двадцать с лишним от пятнадцати никуда не уходил. А кто-то уже в шестнадцать... гм-м-м... ладно... замнём для ясности. Ты хоть наелась? – вижу, что Лена собралась вставать из-за стола.

– Угум. Спасибо. Самое то. Ты сейчас в КЛИНИКУ? Погнали, я тебя завезу по дороге?

В КЛИНИКУ мне, конечно, еще рановато, но есть пред-

ложения, от которых не отказываются.

По дороге в кабинет Котлинского захожу поздороваться к Шаматову, потом – к Марине Касаевой, пользуясь наличием получаса свободного времени.

По дороге к Марине, с внутренней стороны шлюза, застаю Саматова, который ещё не сменился с ночи. Он открывает мне дверь, молча протягивает руку, которую жму, и спрашивает:

– Всё решил ночью, что хотел?

– Да. Спасибо, что помогли вызвать Бахтина. Очень помогло.

Саматов захлопывает дверь и задерживает мою руку в своей, глядя мне в глаза:

– Не лезу в твои дела, но в ближайшие сутки ни с какими следователями лучше не встречайся. Если вдруг до этого дойдёт.

Быстро прокручиваю в голове все возможные варианты. Ничего рационального и толкового в голову не приходит.

Видимо, удивление и работа мысли на моём лице настолько очевидны, что Саматов отпускает мою руку и усмехается углом рта:

– Нет, мыслей не читаю. И ни о чём ни от кого не знаю. Просто умею сопоставлять.

– Что именно?

– Не напрягайся. Я не следователь, я совсем по другой части. Вначале ночью ты достаточно нетривиальным способом

зовешь Бахтина. Значит – не хочешь светиться, если пользуешься нашим протоколом связи, который никому не подотчетен. Потом к вам третий человек подъехал – тот чекист на субару. Я его в лицо знаю, по имени не помню. Значит, что?

– Что? – повторяю рефреном, прокручивая в голове все возможные варианты с максимальной скоростью, на которую способно моё мышление.

– Значит, у тебя что-то случилось. Ты вызвал Бахтина. Компетенции Бахтина в этом вопросе не хватило – судя по тому, что Бахтин вызвал чекиста, которого я встречал в Управлении. Сюда плюсуем, что Бахтин – следак, а не опер. А сейчас так и вообще прокурор... Потом вы сидели, разговаривали. Потом разошлись, но Бахтин тебя сам повёз.

– Могу присесть? Значит, что?

– Да падай сколько угодно, – Саматов указывает на стул у противоположной стены коридора. – Значит, Бахтин претензий к тебе по итогам вашего общения не имеет. Если тебя сам повёз.

– Спасибо, – серьёзно смотрю в глаза Саматову.

– Плюс совпадение факторов, – продолжает, не отводя взгляда, Саматов. – Я же не компот на дежурстве трескаю. А в том числе и отслеживаю оперативную обстановку, – он протягивает мне какой-то планшет, на экране которого – та самая полицейская сводка с фотоотчётом, которую нам ночью показывал Кузнецов. На дисплее Саматова – те же три трупа с синими рисунками на коже. – А теперь сопоставь

время. Происшествия в сводке и твоего прибытия сюда бе-гом, в стиле загнанной лошади... – убирает планшет в на-грудный карман Саматов.

– Спасибо, – говорю медленно. – Всё действительно про-сто. Почему вы это мне сейчас объясняете? Могли же про-молчать?

– Если ты «сдался» Бахтину, и он тебя прикрыл – значит, как минимум сам Бахтин считает тебя правым. Я его оценке доверяю. Он не лажает. А ты – доктор. Если ты сделал то, что сделал, значит, основания лично у тебя были более чем веские. А со следователем или операми тебе лучше не встре-чаться потому, что и у оперов, и у следаков есть «нюх». А у тебя слишком многое сегодня на лице написано. Для пони-мающего человека, по крайней мере. Ты – ещё пацан. Тебе и одного въедливого и внимательного опера за глаза хватит, – заканчивает выстраивать теперь вполне логичную картину Саматов. – Ещё вопросы?

– Да вроде нет вопросов... Спасибо, – теперь руку первым подаю я. Не зная, что говорить дальше.

– Не за что. Не парься. Всё нормально. Тренируйся быть доктором. Потом сочтёмся.

* * *

Марина Касеева немного нервничает, но при моём по-явлении моментально успокаивается. Кидаю на неё частоту

«покоя» – хуже не будет.

Скан.

– Не волнуйтесь, всё в порядке, – говорю ей. – По моим ощущениям, буквально пара дней.

– Да, Игорь Витальевич так же говорит, – улыбаясь, кивает Марина. – Вы будете присутствовать при родах?

Неожиданно.

– Пока не знаю, смотря по загрузке. Я – не акушер, меня могут занять на другом участке, – отвечаю предельно откровенно. – С меня пользы будет минимум, хотя решать Игорю Витальевичу.

– Ну ладно, – легко соглашается Марина, которой, видимо, тут просто не с кем пообщаться. Охрана – не в счёт, а больше к ней никого не пускают. Не думаю, что сам Бахтин имеет регулярную возможность часто сюда вырываться.

* * *

Без четверти девять в кабинете Котлинского застаю его и Стеклова. Они разложили какие-то бумаги на столе и по очереди передают их друг другу.

При моём появлении Котлинский, подняв голову, говорит мне:

– Матки. Третьей степени.

– Плохо. Но ожидаемо, – киваю в ответ.

– Анна звонила, сейчас будет, – говорит Стеклов. – Сустав

придёт к десяти, как оговорено.

– Саня, держи! – Котлинский протягивает мне две коробочки. – Стерилизовать потом мне отдавай. Достал по своим каналам, говорят, эти – лучше твоих.

– Спасибо! – открыв коробки, обнаруживаю два контейнера многоразовых китайских игл для акупунктуры. – Прямо сегодня и сравним.

Ровно в девять появляется Анна, которой они уже всё сообщили по телефону, и доктора тактично удаляются.

А мы с ней начинаем эксперименты.

* * *

Вот уже полчаса пытаюсь разобраться, чем «коммуникационная программа» в клетках опухоли отличается от соседних здоровых тканей.

Лично я вижу эту разницу, как разницу частот. Попытка просто подать нужную частоту на опухоль не заканчивается ничем: опухоль, несмотря на моё воздействие, стабильно живёт «по-своему». За полчаса «откликов» от опухоли была только пара, и оба раза – на доли секунды.

Прикидываем. Если за сутки добиваться полусекундного отклика, это за месяц мы дойдём, в лучшем случае, до пятнадцати секунд.

Не вариант. Нужно пробовать что-то иное.

Спасибо Анне: она лежит абсолютно спокойно, ни о чём

не спрашивает, и вообще ведёт себя так, как будто её тут нет.

Выбираю самый неагрессивный краешек опухоли, клетки с которого метастазируют меньше всего. За попытками «съесть слона по частям» проходит ещё полчаса. Снова безрезультатно.

Ровно в десять в двери появляется голова Котлинского:

– Аня, пойдёте со мной, одевайтесь. Саша, сустав.

Анну сменяет товарищ с суставом, который, даже на мой взгляд, морщится чуть меньше, чем раньше, когда наступают на больную ногу.

– Как вы? – спрашиваю, уложив его лицом вниз и протирая спиртом места постановки игловок.

– Вы знаете, лучше. Особенно в первой половине дня. До обеда был почти как новенький. Ну, не скажу, что бегать мог – но болевых ощущений, когда ходил, не было. И сегодня так же. А вот после обеда что-то опять защёлкало, – он хлопает себя рукой по бедру.

Концентрация. Скан. Частота на суставной сумке уже поближе к норме. Синовиальной жидкости, что характерно, тоже побольше. Единственное, что мне пока непонятно – как быть с деформацией. Из-за отсутствия синовиалки у него возникли механические повреждения уже самой сумки, но ладно. Пока динамика положительная – посмотрим, что будет дальше.

Ставлю те же три иглы туда же. Поехали.

– Скажите, а что вы ели на обед? – осеняет меня через

пятнадцать минут наблюдения за процессом.

– Харчо! – доносится с кушетки.

– С перцем?

– Конне-е-еечно, а как ещё?

– Понятно... Я болван... Давайте, пока эти десять дней пособлюдаем диету? Вы не против? – спрашиваю для приличия, понимая, что нужно объяснить ему самые азы. Либо, как вариант, хотя бы отдать команду: что можно, чего нельзя.

– Давайте попробуем, – глухо доносится с кушетки, на которой товарищ докторов лежит лицом вниз.

* * *

– Ничего острого. Причём давайте попробуем в течение всего месяца, – говорю ему через час, сидя за столом и глядя на его кислое выражение лица при этом.

– Совсем?

– Совсем. Тут без вариантов. Шансы есть, но их не много. Мы хотим их уменьшить? – откровенно информирую «в лоб».

– Нет! – открещивается пациент.

– Здорово. Далее. Ничего жирного. Солёного. Жареного. Как можно меньше простых углеводов.

– А что это – простые углеводы? – он старательно записывает то, что слышит от меня.

– Картофель, хлеб, мучное, рис, манка, сахар... Особенно

сахар!

– Ясно... с этим как раз не сложно... смогу...

– Поменьше баранины и говядины. Лучше – рыба. Творог, сыр. Сахар можете заменить мёдом: он как раз способствует выработке синовиальной жидкости... только мёд должен быть натуральный.

– Какой жидкости? – поднимает на меня глаза пациент.

– Не важно... той, без которой у вас нарушается подвижность сустава... Хотите – перейдём в другой кабинет, там я вам на схеме покажу. Это – личный кабинет Игоря Витальевича, он не держит наглядного иллюстративного материала.

– Да нет, не надо... – качает головой пациент. – Значит, мёд всё-таки можно...

– Ну, и пищевые добавки. Это – не лекарства, это – хондропротекторы, – передаю ему листочек с записями. – Они здорово могут помочь, но вы должны активно нагружать нужные мышцы: без этого всё будет оседать не в тех тканях сустава, где надо, – касаюсь указкой его бедра. – А где проще. Например, в плечевых суставах.

– Да я помню, мне у Бубновского то же самое сказали...

Делаю себе пометку: спросить докторов, что есть «Бубновский».

– На сегодня всё. До завтра.

Следующий час пробую «применить силу» с Анной.

Вначале пытаюсь наложить поверх имеющейся клеточной программы «правильную». Не получается, правильная постоянно «слетает».

Потом пробую «стереть» имеющуюся перед наложением своей. Не получается: со всей опухолью работать не получается, а обрабатываемая часть «переписывает» раз за разом старую программу с основной части опухоли.

В конце концов, делаю то, что задумал: ввожу кончик нестерильной иглы. И очень тщательно запоминаю, что является маркером для лимфоцитов. Кажется, запомнил.

Наверное, со стороны это кажется вдумчивой работой человека, который точно знает, что делать.

А на самом деле я всего лишь подбираю технику воздействия.

ЧТО делать, я действительно знаю. Пока только не понял, **как**.

Выбираю тазовый лимфоузел, в котором четко вижу метастазы. Концентрация. Скан. Частота.

Стараюсь держать частоту как можно ближе к той, которую лимфоциты воспринимают как сигнал к атаке.

* * *

Минута. Две. Пять. Не считаю времени. Пот на лице. Пот на спине.

Держать частоту. Есть результат. При «подсветке» лимфоциты «видят» чужака и работают, как надо.

Держать частоту.

Держать частоту.

Держать частоту.

* * *

Краем глаза замечая, что Котлинский и Стеклов, неслышно войдя, молча сидят у стены.

Держать частоту.

Нельзя отвлекаться.

Как только я сбиваюсь, и частота немного отклоняется от нужной, лимфоциты «перестают видеть» клетки, которые необходимо убирать.

Похоже на то, как вы вдеваете нитку в иголку. Это нужно сделать одним быстрым движением, положить иголку с вде той ниткой на конвейер, и взять следующие иголку и нитку.

Когда я сбиваюсь, иголки и нитки начинают падать на пол, и процесс стопорится.

* * *

Прекращаю, когда чувствую, что сегодня себя исчерпал. Нужно отдохнуть.

– Спасибо, на сегодня всё, – вытирая пот со лба, говорю Анне.

* * *

Через пять минут с благодарностью принимаю чашку с чаем от Котлинского:

– Спасибо!

– Краше в гроб кладут, – смеётся Стеклов. – Ты как из оперблока вышел.

– Ага, причём как будто сам себя оперировал, а-а-а-га-га-га! – подключается Котлинский. – Кстати! Саня, у меня глаз – алмаз, а ну, встань на весы в углу?

Послушно делаю то, что он говорит. И, к своему удивлению, обнаруживаю, что похудел за последние пару часов примерно на полтора килограмма.

С такой ежедневной практикой на Анне, можно не опасаться за вес перед областью...

– Ну, рассказывай! – припечатывает ладонью по столу Котлинский. – Почти два часа ждём!

А я и не заметил. Вернее, перестал следить за временем.

– Сустав – годится. Не знаю, до какого уровня восстановим, но регенерация в тканях сейчас превышает уровень естественного износа. Если будет диету соблюдать и спортом заниматься – через десять дней своих ощущений не узнает. Дальше посмотрим, – выпаливаю на одном дыхании, не отрываясь от чая. – Можно повторить? – возвращаю Котлинскому пустую чашку под смех докторов.

– А с Анной что? – немного подбирается Стеклов.

– И да, и нет. Простая трансляция нужной частоты на опухоль даёт эффект примерно полсекунды в час. Даже меньше. Это мизер. Хочу сделать так, чтоб её лимфоциты сами распознавали клетки опухоли, как «вражеские».

– И? – оба доктора подбираются, как кошка перед прыжком на мышь.

– Есть метастазы в тазовом лимфоузле. Начал с них. Когда я их «подсвечиваю», её лимфоциты их видят. И постепенно санируют. Процесс поступательный, – сообщаю притихшим докторам в звенящей тишине.

– По твоим ощущениям, что думаешь? – осторожно интересуется Котлинский, переглядываясь со Стекловым.

– Очень рано что-то говорить. Но идея простая: если «научить» её лимфоциты «видеть» клетки опухоли –... ну, вы поняли, – не считаю нужным договаривать очевидное.

– Варианты? – так же осторожно спрашивает Котлинский.

– Пока не понимаю, как «учить видеть» лимфоциты, –

честно признаюсь. – Вместо этого пока «подсвечиваю» частотой метастазы в лимфоузле. Метастазы становятся «видимыми». Лимфоциты начинают убирать эти клетки. Очень трудозатратно. Плюс не хватает навыка «держат» частоту. Это как поднять ведро с водой и держать его в одном положении на вытянутой руке. Вроде и не сложно, но малейшее движение разливает воду – и всё заново.

Доктора снова переглядываются, и я добавляю:

– Боюсь обещать. По второму варианту, по моим ощущениям, вопрос только в том, чтоб я научился «держат» частоту. Как можно дольше и как можно чище. Вот если бы можно было время увеличить до трёх – четырёх часов в день?

– Ты и так с ней с одиннадцати почти до двух второй раз работал, – удивляется Котлинский, показывая на часы.

И правда. Без пяти два. А я и не заметил.

Пора нестись в «КАНАТ» на обед.

Ресторан быстрого питания «КАНАТ».

Бахтин и Кузнецов проходят за отдельно стоящий стол в дальнем углу под фикусом, рядом с которым нет других столов.

– Вообще-то, рабочие разговоры на оперативные темы в общественных местах вести запрещено, – роняет Кузнецов, выдвигая ближний к себе стул.

– Она, так ты всех сам сюда приволок! – удивляется Бахтин. – И потом, это вам там запрещено, а не нам тут. Да и ты уже не там, где запрещено, а-а-а-га-га, – веселится Бахтин.

– О, гляжу, тебя отпустило, – с интересом замечает Кузнецов, глядя поверх меню. – А то был что ночью, что три минуты назад – как из концлагеря, с креста снятый.

– Ещё скажи – без повода, – огрызается Бахтин, сразу прекращая смеяться.

– А-ха-ха, теперь моя очередь, – смеётся Кузнецов, показывая пальцем на вытянувшееся лицо Бахтина. – А если серьезно – то да, без повода. Нет повода беспокоиться, Олег. Специально землю рыл с ночи, как расстались. Вот чтоб внести ясность. Спать сегодня еще не ложился.

– Откуда такой энтузиазм? – подозрительно спрашивает Бахтин. – И зачем ты этот обед затеял вообще?

– Ну, во-первых, хотел на твоего протезе после паузы посмотреть. Чтоб понимать: чего лично мне ждать в будущем от еще одного человека, осведомлённого о нашем с тобой участии в таком деликатном вопросе, – поднимает брови Бахтин, увидев что-то в меню. – Во-вторых, лично я делаю качественно всё, за что берусь. Последние полсутки я очень напрягся, поработав на тему: где что могло всплыть и чего в будущем надо опасаться – мало ли...

Бахтин, как будто внутренне на что-то решившись, кивает и открывает своё меню.

– Вот смотри, что нарыл, – продолжает Кузнецов. – Сразу говорю: расслабься. Опасаться точно нечего. Просто единственное, что есть по теме. На перекрёстке у памятника есть полицейская камера, – говорит Кузнецов, параллельно работая ложкой. – Там чего-то намудрили при установке – скорее всего, штатной камеры под рукой не оказалось. И при монтаже воткнули широкофокусную. Она «видит» шире, чем должна, но ниже качеством изображения. Для идентификации номеров машин на перекрёстке этого, в принципе, хватает. Но в правом нижнем секторе она частично цепляет этот ваш спортгородок – правда, совсем уж с дикой дистанции. Идентифицировать по изображению никого не получится – разрешающей способности не хватает. Но составить впечатление о порядке событий можно вполне.

С этими словами Кузнецов достаёт то ли маленький

планишет, то ли большой телефон и, после недолгих манипуляций с паролем и отпечатком пальца, начинает воспроизводить маленький ролик.

Бахтин несколько раз самостоятельно воспроизводит ролик, забрав планишет у Кузнецова, подолгу всматриваясь в какие-то детали, и в итоге выдаёт вердикт:

– Ну, видно только, что они действительно первыми начали. Не то чтоб я сомневался в Александре, но приятно... Спасибо... Какие-то детали – вообще не уловить. Типа лиц или иных идентификационных признаков.

– Бахтин, ты заметил, что я ни полслова не задаю тебе вопросов, какого чёрта ты меня втравил в историю с фигурантом, которого, оказывается, не до конца знаешь? – иронично бросает Кузнецов снова взгляд на Бахтина.

Бахтин обречённо кивает, не отрывая глаз от своей тарелки.

– Вот и я о том же, – потирает ладони Кузнецов. – Ладно. Проехали... Во-первых, все вопросы на личном уровне к Александру сняты, – Кузнецов спокойно смотрит на Бахтина, так и не поднявшего взгляд. – Я в теме, не жалею, работаем. Хотя этого как раз уже и не требуется... во-вторых, вот эта непригодная для идентификации запись с «кривой» камеры – чёткое доказательство его самообороны. На всякий случай.

– На какой случай? – хмурится Бахтин, явно напрягаясь.

– Да ни на какой! Просто как запасной вариант! – поче-

му-то раздражается Кузнецов. – Бахтин! Уймись! Не вибрируй! – и далее абсолютно спокойно продолжает: – Нечего опасаться. Блин, как же с тобой сложно, дитя регламентов! Это – стопроцентный неловленный мизер, но должен же у нас в любой ситуации быть резерв? Вот эта запись – такой резерв. Просто резерв! Без какого-то скрытого смысла.

– А кто ещё, кроме тебя, в курсе об этой камере?

– А никто... – улыбается Кузнецов. – Она с нарушением техзадания установлена: её заявленные параметры не совпадают с реальными. А при любом поиске ориентируются всегда на зарегистрированные характеристики, а не на реальные. Потому что откуда на ВЦ реальные характеристики знать? Ещё и с той горбатой установкой, которая тогда была... Мы у ментов ещё начальника тыла тогда посадили, не знаю, помнишь или нет...

Бахтин сосредоточенно кивает, старательно втягивая длинную лапшу лагмана и стараясь при этом не издавать никаких звуков на весь ресторан.

Кузнецов откровенно веселится, наблюдая за Бахтиным, и не скрывая веселья, продолжает:

– Я на её широкий фокус случайно наткнулся, и то только потому, что знал, что искать. Я раньше, по предыдущей службе, именно с этой камерой уже сталкивался.

– Подробности – секрет? – любопытствует Бахтин.

– Подробности не обсуждаются, – разом теряет хорошее

настроение Кузнецов. – Бах, тебе чужая инфа под грифами нужна? Так у меня ещё сроки о неразглашении не вышли, если что... Или – будем о нашем вопросе?

– Не-не-не! – поднимает обе руки Бахтин, в одной продолжая сжимать ложку. – Пардон! Бес попутал! В смысле, любопытство. Извини! Так давай развивайся, что дальше?

– Я на её широкий фокус случайно наткнулся только потому, что времени не пожалел. А так – неловленный мизер. И лиц не разобрать. Так что – спим спокойно, – подводит итог Кузнецов. – Это – максимум того, что можно нарыть по ситуации. Если не знать ничего из альтернативных источников. То есть от нас троих. Ну и, не для печати: есть информация от бывших источников, что ментам есть внутренняя команда от начальника следствия закрыть конкретно эту тему, как тёрки между собой.

* * *

В «КАНАТ» прибываю с опозданием на десять минут, несмотря на все усилия. Бахтина и Кузнецова обнаруживаю в дальнем углу под фикусом, за отдельно стоящим столом, рядом с которым нет других столов. Видимо, чтоб нашу беседу никто не мог слышать.

– Здравствуйте, извините за опоздание, по работе задержался, – почти падаю на свободный стул.

– Садись, мы и на тебя заказали – у Игоря не много вре-

мени, – кивает Бахтин на Кузнецова.

– Вначале – о деле, – подключается Кузнецов. – Александр, вот – единственный ролик.

Не скажу, что у меня прямо всё холодеет внутри при этих словах, но слегка напрягло. Далее Кузнецов передает мне планшет, на котором с дистанции чуть не в пару сотен метров снимались все наши телодвижения. Не разобрать не то что лиц, а порой и силуэтов. Уже молчу о том, что инфракрасный режим контрастности не добавляет.

– Вместо лиц и силуэтов – размытые пятна. Можно разобрать только порядок движения, – честно озвучиваю, что вижу. – Что это нам даёт?

– Это нам даёт подтверждение того, что они напали первыми, – отвечает Кузнецов. – Извини, Саша, при всём уважении, лично я должен был убедиться.

– Я вам очень благодарен, не нужно извиняться, – чётко и откровенно обозначаю свою позицию. – Я прекрасно отдаю себе отчёт, в какое время и в каком месте живу. Я тоже читаю интернет и знаю, что после убийства, например, некто Усанов вышел через сорок суток. И совершил второе. Самого Усанова я ни в глаза не видел, ни о существовании его не подозревал. Но вся страна благодаря интернету знает, что можно убить – и выйти через сорок дней. Это во всём интернете есть. А тот парень, которого десантники на остановке пинали, сел на десять лет. Когда попросил их не бить бутылки, а потом защищался, – обвожу глазами Бахтина и Кузне-

цова и вижу, что они, не мигая, смотрят на скатерть. Что-то я не то сказал, видимо. – Я вам обоим очень благодарен. Вам не за что извиняться, – повторяю «зависшему» Кузнецову.

– М-да, не всё ещё ладно в королевстве датском, – хлопает ладонями по крышке стола Бахтин и обращается к Кузнецову. – Продолжай.

– В техгруппе сделали, что могли, вот итог, – продолжает Кузнецов. – Это – максимальное увеличение и разрешение этой картинки. Вернее, приближение. Лучше не получится. Ни у кого. Кроме нас троих, предлагаю больше ни с кем тему не обсуждать. А троим – прямо сейчас её забыть.

– Тогда – есть ещё капитан Саматов, – добавляю хмуро. И рассказываю сегодняшний утренний разговор.

– Можешь забыть, – отмахиваясь рукой, отрезает Кузнецов, едва дослушав до конца. – Не буду объяснять тебе ни причин, ни кто такой Саматов, ни его отношения с полицией. Просто забудь. Да, Олег?

Бахтин молча подтверждает кивком, отправляя в рот половину котлеты.

– В общем, считаем, что отделались лёгким испугом. Все дружно всё забываем и расходимся, – хлопает ладонями по столу Кузнецов.

За столом продолжает висеть какая-то недосказанность. Понимаю, что надо высказаться. Тем более что я-то старше их обоих. Просто не могу им этого сказать.

– Господа офицеры, давайте и я выскажусь, – начинаю,

чтоб привлечь их внимание. – Единственный момент. Я очень благодарен вам за помощь. Но мне бы не хотелось, чтоб этот вопиющий и, я надеюсь, случайный в жизни эпизод ещё кого-либо держал в напряжении дальше. Особенно вас, Олег Николаевич, – пристально гляжу на Бахтина. – Я же вижу, что вы не можете расслабиться до сих пор. В отличие от Игоря, – показываю на Кузнецова, – или даже меня. Хотя, по логике, это мне полагается биться в истерике. Согласны?

Кузнецов едва кивает, с интересом глядя на меня, а Бахтин начинает тереть затылок, явно не зная, что ответить.

– Я вас убедил, что я могу быть достаточно взрослым, когда это требуется? Без всяких скидок на возраст? Извините за откровенность, даже если говорить о технической стороне проблемы, – киваю на планшет Кузнецова.

– Нет слов, – с интересом подключается Кузнецов. – Твое счастье, что Бахтин меня турнул с предыдущего места работы. Если бы я до сих пор был в Управлении – я бы лично с тобой обязательно обсудил все детали. Включая, как ты говоришь, технические подробности.

– А что изменилось сейчас? – спрашиваю. – На ваше чувство долга и социальной ответственности как-то повлияла смена стула под... гхм... Вами?

– Не-а, – легко отмахивается Кузнецов. – Просто в Управлении я весьма своеобразно понимал свой долг. Это потом Бахтин мне объяснил, что... впрочем, это не может быть темой нашего разговора, сконфуженно закругляется Кузнецов

под веселяющий взгляд Бахтина.

– Я что сказать-то хотел, – снова привлекаю их внимание. – Давайте поговорим, как взрослые мужики на серьёзную тему. – В этом месте они оба начинают улыбаться и переглядываться. – Ну, хотите, ещё раз ролик поглядим? Чтоб вы меня всерьёз воспринимали?

– Мда... Не надо. Считается, – кивает Кузнецов. Следом за ним кивает и Бахтин.

– Вот вы такие взрослые. Неглупые. Личности со стержнем. С одной стороны, – внимательно смотрю на них по очереди, добиваясь их внимания. – В одном месте, не буду уточнять где, говорили: человек должен быть чист перед Богом, Людьми и Законом. Это – в идеале. К сожалению, в нашем обществе иногда одно противоречит другому. Вы согласны?

И Бахтин, и Кузнецов с интересом кивают.

– Мне, к сожалению, просто пришлось выбирать. В неудачный момент, в условиях острой нехватки времени на взвешенное принятие решения. Выбрать: перед кем остаться чистым? Или перед чем. Перед Законом? Тогда мне надо было бежать оттуда и кричать «Караул! Полиция!» Не важно, что они за это время сделали бы с девчонкой.

Кажется, до Бахтина с Кузнецовым что-то начинает доходить. Их лица неуловимо начинают меняться.

Слава богу. Значит, ещё могу кое-что...

– А *лично вы двое* мне бы после этого руку подали? – обвожу взглядом их обоих. – Если б знали, что я там был –

и вместо того, чтоб помочь **девчонке**, свинтил бы разыскивать органы охраны правопорядка? В соответствие с вашими, Олег Николаевич, регламентами?

Кузнецов кивает и как-то иначе начинает на меня смотреть. На лице Бахтина отражается нешуточная работа мысли.

– Или перед людьми? Так тогда надо было этим троим позволить всё, что они хотели? Или – других людей надо было слушать? Например, девочку? Которая вообще без сознания была?

Бахтин начинает барабанить пальцами по столу. Кузнецов с интересом продолжает изучающе смотреть на меня.

– Бог вообще субстанция абстрактная и эфемерная. Есть мнение, что он у каждого свой, – отпиваю из чашки с чаем. – Думаю, мои ссылки на Бога точно не найдут понимания ни в каком варианте. – С толикой удовлетворения отмечаю просветлевшие лица у обоих.

Кузнецов, кажется, вообще готов рассмеяться. И не делает этого только из-за правил приличия.

– Вот теперь вы мне скажите, двое взрослых мужчин. Шестнадцатилетнему пацану. Свои мысли я вам изложил.

Ещё раз обвожу их взглядом и после паузы продолжаю:

– Что мне надо было делать **там**, чтоб вы сейчас не морщились, не нервничали, не колебались и с внутренней гордостью приняли то, что становитесь на мою сторону, чего бы вам это ни стоило?

– Да не агитируй, – с досадой начинает смущаться Бахтин. – Я сам за «советскую власть». Правильно ты всё сделал... Наверное, это во мне беспокойство за собственную шкуру в подсознании бесится. Если честно.

– Мне проще, – поднимает подбородок Кузнецов. – В отличие от Олега, у меня нет пока жены-детей, я относительно свободен в выборе, выбирая риски. Но присоединяюсь: такого действия, чтоб мы все не нервничали, в твоей ситуации не было. Вернее, было: ты правильно её назвал – сбежать. Но на руки наши точно после этого мог бы не рассчитывать.

Бахтин обреченно кивает, соглашаясь.

– Ну, и чего тогда вы сейчас хотите? – улыбаюсь. – Предлагаю считать: если нужно выбирать из списка – перед Богом, перед Людьми или перед Законом – я лично слушаюсь совести. И, как говорится, Священного Писания. Хотя лично мне ближе Ветхий Завет, чем новый.

Кузнецов наливает всем троим морс из кувшина, отпивает из своего стакана и говорит:

– Молоток. Снимаю шляпу.

– Ну. Вербовка на пять, – в тон ему кивает Бахтин.

– Да бог с вами, я не оперирую такими понятиями... Я за социальную ответственность и за здоровые социальные рефлексy, – очень серьёзно говорю им обоим. – Защитить ребёнка от не понятно кого – в моей системе ценностей норма. Если норме препятствуют Закон либо аналогичное – я буду искать способы всё же соблюсти норму. А вы?

Кладу открытую ладонь на середину стола. Первым, абсолютно без паузы, её припечатывает Кузнецов. Его руку сверху накрывает лопатообразная ладонь Бахтина.

– Спасибо, – говорю, обращаясь к ним обоим. – Если это важно, то сегодняшний обед с вами обоими мне стоил больше нервов, чем этот ролик в спортгородке, – указываю на планшет Кузнецова. – Последний вопрос: за обед заплачу?

– Да сиди, бога ради, – отмахивается Кузнецов. – У нас запрещено даже в таком виде принимать скрытые подарки либо финансовые вливания. Даже деньги на представительские расходы специально выделяют. Представляешь, Бахтин?

– Оно логично, но разве это раньше на верхних уровнях – не того?.. не ага?.. – Бахтин делает движения руками, как будто плывёт брассом.

– Не-а, – отмахивается, доставая пластиковую банковскую карту Кузнецов. – В управлении было – вот там было. На негласный аппарат порой... Ладно, ты понял... А тут – как ни смешно, всё до копейки доходит.

Бахтин удивлённо качает головой и кричит в сторону проходящей по соседнему проходу официантки:

– Рассчитайте наш стол, пожалуйста!

Официантка отвечает, что будет через минуту.

– Кстати, – говорит Бахтин, подавая Кузнецову руку. – У меня в конце недели прибавление в семье ожидается – считай, что приглашен. Отказ не принимается.

Мы выходим из ресторана, сталкиваясь на выходе с двумя полицейскими в форме.

Бахтин идёт первым и подходит к двери раньше всех, открывая её; но полицейские идут навстречу, как будто не замечая его.

Не сбавляя шага, Бахтин выходит, цепляя одного из полицейских левым плечом, второго – правым локтем. Задетые полицейские, которых разворачивает массой и габаритами Бахтина, вскидываются:

– Эй, мужик! А ну иди сюда!

С явным любопытством на лице подтягивается Кузнецов, при этом показывая мне за своей спиной руками, чтоб я не лез.

– Вы сейчас с кем разговаривали, господин майор? – демонстративно заинтересованно спрашивает Бахтин.

– С тобой! Ты не видишь, куда прёшься?

– Мне казалось, по правилам, вначале дают дорогу выходящим из здания: иначе входящим не будет места, чтоб войти, – зачем-то продолжает валять дурака Бахтин.

Я это вижу, но не понимаю подоплёки.

Кузнецов просто смеётся за спиной Бахтина.

– А тебе, клоун, что, смешно? – выверяется на Кузнецова второй полицейский с погонами подполковника.

– Почему мне должно быть грустно? – весело отвечает Кузнецов. – И потом, господин дважды майор, разве вам уставы не запрещают обращаться «на ты» к гражданам, находясь при исполнении дробь в форме?

– Шутишь? – багровеет подполковник. – Я тебе сейчас устрою вечер шутки! Документы достал быстро!

– Вначале предъявите свои, – не прекращает улыбаться Кузнецов, – судя по вашему темпераменту, вы считаете, что у вас прав больше? А я недавно слышал, что закон один для всех?

Майор, стоящий напротив Бахтина, багровеет вслед за подполковником и подступает уже к Бахтину:

– Устроить тебе сладкую жизнь?

Первым на вопрос о документах отвечает Кузнецов:

– Пожалуйста, – и достаёт какой-то маленький пластиковый прямоугольник, недавно введённый вместо документов старого образца – по телевизору передавали. – А теперь ты свои. Достал и предъявил в развёрнутом виде. Чтоб я знал, кому благодарность заслать. И куда. Когда мы вас проверять приедем, – Кузнецов, не мигая, сверлит взглядом полицейского.

При виде пластикового прямоугольника подполковник на две секунды осекается.

Бахтин – из-за спины Кузнецова плохо вижу детали – проводит аналогичные манипуляции напротив майора:

– Так что вы говорили, господин майор? Я не расслышал в

той части, где закон не для всех, по вашим словам, одинаков. Будьте добры, повторите? А то я на своей сельской должности за государственным курсом мог и не успеть – просветите меня, убогого?

* * *

На улицу попадаем только через пять минут. Я понимаю, что Бахтин с Кузнецовым просто сбрасывают напряжение последних суток, хотя, со своей позиции, не могу не согласиться с постоянно повторяемым ими тезисом о том, что «Закон один для всех».

Чего уж там, фраза вселяет... Посмотрим, конечно, как долго у нас слова не разойдутся с делом, но на данном этапе всё звучит, как бальзам на душу.

Особенно в свете всех перипетий последних лет.

Ладно. Пусть дурачатся.

Тем более, по всем правилам этикета, из двери действительно вначале дают выйти. Потом входят. При условии, что нет дождя, которого сейчас действительно нет.

Кузнецов кивает нам на прощание и направляется к своей «субару».

– Тебя куда-нибудь докинуть в центр? – спрашивает Бахтин, но я вижу, что это только из вежливости, и что на самом деле он хочет побыть один.

Я, кстати, тоже.

– Спасибо, пройтись хочу. Собрать мысли в кучку. Кстати! Был сегодня у Марины – думаю, пара дней осталась. Не переживайте. Там всё в порядке, – улыбаюсь ему, жмём руки и расходимся.

* * *

На плавание я сегодня, в итоге, опять не попал. В зал ещё рано. Дома пусто: Лена в больнице.

Просто какой-то вакуум.

В этот момент звонит телефон. Лена.

– Да?

– Привет, как дела? – раздаётся её голос. Вдыхаю побольше воздуха, чтоб ответить: только что обедал в хорошем месте в хорошей компании, но кто бы меня слушал. – Мелкий, есть просьба. Ты сейчас свободен?

– Для тебя – всегда, – заранее соглашаюсь на всё.

– Вот не надо ля-ля, Мелкий. Был бы ты сейчас в бассейне – хрен бы трубку взял. И кстати, а почему ты не в бассейне?

– Да обедал кое с кем по делам. Не такое мероприятие, которое можно было отклонить. Тем более, когда позвали такие люди и по такому поводу...

– С кем это ты там обедаешь, когда я на работе? Мелкий, я ужасно ревнива! Немедленно признавайся! – слышу голос Лены и на заднем плане смех вторящей ей Асели:

– Лена, пусть фотоотчёт шлёт! А то знаю я, куда мужики вместо тренировок ходят!

– Если бы, – бормочу. – Хотя кое-кто меня сегодня утром и продинамил.

– Эм-м-м-м, мне очень стыдно, – без малейшей паузы выдает Лена и шепчет в трубку – очевидно, чтоб не слышали те, кто рядом: – Ну, прости. С дежурства сменяюсь – я вся твоя. Если ты о супружеском долге, хи-хи.

– Во-вторых, меня *позвали* на этот обед. Тот большой мужчина, который был у меня на кухне. Когда ты прикладывала лёд ко лбу после теннисного мяча.

Лена соображает быстро, потому что сразу задаёт вопрос, присвистнув прямо в трубку:

– Который со шрамом?

– Он.

– Поняла. Хотя ничего не поняла... – потом в трубке слышится демонстративный Ленин тяжёлый вздох; потом – шлепок, кажется, по известной части Асели (потому что та громко вскрикивает) и Ленины слова: – Аська, не подслушивай! Мелкий, а чего это вы обедать вместе повадились?

– Лен, чисто по делам, никакой романтики. Не телефонный разговор, не моя информация. Ты бы папу о таком спрашивала?

– Не спрашивала бы, согласна. Да он бы и не дал. Беру вопрос обратно... Кстати, ты оценил, как я покорно соглашаюсь?

– Оценил, – киваю. – Лен, так что ты хотела-то? О чём попросить? Что помочь-то?

– А, точно! Чуть не забыла, представляешь? Ты сейчас можешь съездить к моим родителям? Там папа мне кое-что передать хочет прямо сейчас, больше некого попросить, кроме тебя. Поймёшь, как увидишь.

– Могу, конечно, если надо. А он дома или на работу к нему надо ехать?

– Хорошо, что спросил... не знаю. Жди минуту.

Лена отключается, чтоб снова перезвонить через минуту:

– На работу. В старый офис. Лови локацию в ватсапп. Упс, поболтала бы ещё, но у нас тут срочняк, – и затем её голос в сторону: – Уже бегу! Мелкий, я понеслась, аврал. Пока, целую!

* * *

Приехав по адресу, указанному в присланной Леной геолокации, обнаруживаю трёхэтажное капитальное здание в районе ГИГАНТА, на отдельно стоящем участке, огороженное забором и КПП.

На КПП сообщаю, что я к Новикову по его просьбе. Мне кивают на здание:

– Дальний вход, второй этаж, там подскажут.

На втором этаже упираюсь в парный пост ресепшн со стойкой, с которого одна из девушек меня провожает по ко-

ридору в неприметную дверь. За дверью обнаруживаю что-то типа оранжереи, письменного стола и Роберта Сергеевича, прохаживающегося вдоль кадок с какими-то кустами. Растения выставлены вдоль стеклянной стены, глядящей на юг.

– Здравствуйте, Лена просила к вам подъехать что-то забрать. Сказала, вы знаете, что именно, – жму протянутую руку.

– Ты обедал? – спрашивает Роберт Сергеевич, присев на корточки перед маленьким, по колено высотой, сейфом, стоящим прямо на полу под кустами.

– Нет, спасибо, только что накормили.

– Вот это передай Лене. Пусть она выберет цвета, положит в отдельные пакеты и пронумерует – это Зое Андреевне на юбилей подарок, – Роберт Сергеевич передаёт мне маленький полиэтиленовый пакет с какими-то цветными, кажется, драгоценными камнями. – Пожалуйста, скажи ей, что она должна это сделать до двенадцати завтра, чтоб осталось время на работу.

– Роберт Сергеевич, мне стоит вызвать машину? – не тороплюсь ничего брать. – Тут на какую сумму?

– Из расчёта восемьдесят за карат, пятнадцать карат, максимум на полторы тысячи долларов, – отвечает Ленин отец.

– А-а-а, тогда ладно, – беру у него пакет. – Я думал, намного больше.

– С чего? – удивляется Роберт Сергеевич. – Это ж не сапфиры, не изумруды, не рубины. Так, топаз вперемешку с хри-

зопразом...

– Я в этом не понимаю, – честно поясняю.

– Так, я не обедал – может, всё-таки, присоединишься? – закрывает свой сейф Ленин отец.

С другой стороны, делать мне нечего. Дома пусто. Читать и учиться сейчас однозначно не смогу – просто ничего не усвою.

– Если позволите, – соглашаюсь, чтоб сбросить напряжение последних суток в компании и убить время.

– Пойдём.

Он ведёт меня на первый этаж, потом – в цоколь, где обнаруживается небольшая оборудованная кухня, какие обычно делают в новых офисах для удобства персонала.

– Сейчас посмотрим, что у нас с обеда осталось, – Роберт Сергеевич начинает доставать из холодильника одноразовые пластиковые контейнеры с едой.

– Пропустил сегодня обед со всеми, сейчас буду навёрстывать. Врачи и Зоя постоянно ноют о режиме, – поясняет он, раскладывая баклажаны, мясо и рис по двум тарелкам.

Не чинясь, присоединяюсь к нему за столом напротив, пробуя по очереди всё, что лежит на тарелке:

– Спасибо. Вкусно.

– Мы на весь этот офис заказываем обед с доставкой – тут особо поесть негде. Компания, которая нас кормит, вполне пристойная. Я лично к понтам равнодушен. Потому – приятного аппетита.

Судя по тому, как Ленин отец уверенно знает, где что лежит на кухне, он действительно обедает тут регулярно, обслуживая себя сам.

– Как твои успехи?

– Пока не пойму. Ответственности, по факту, нагрёб выше крыши. А по отдаче пока не понимаю, чего ждать, – описываю реальное положение вещей, не вдаваясь в подробности.

– На мойке или у Котлинского?

– Вышло так, что и там, и там. На мойке – этап делегирования. Взяли пару сотрудников, которые «руки». Но отвечаю за результат я. Есть чего опасаться.

Ловлю себя на том, что вроде бы и ел совсем недавно, но всё оказывается настолько вкусным, что непроизвольно добавляю себе вторую порцию баклажанов из контейнера.

Ленин отец замечает моё движение и говорит:

– Только не стесняйся. Это всё нужно съесть. Мы с тобой едим последними, остальные давно пообедали. Я раза три в неделю обедаю специально вот так, со всеми. Как тебе?

– Спасибо, на вкус очень пристойно! – искренне говорю, не кривя душой. Потом продолжаю свою исповедь: – Кроме мойки, ещё у Котлинского в клинике – сложный случай. Я участвую. Года полтора не могли точно поставить диагноз, всё зашло слишком далеко.

– А каким образом это на тебя вешают? – живо и, кажется, искренне интересуется Роберт Сергеевич.

– На меня не вешают. Просто я – единственный, кто может попытаться помочь, – снова поясняю, не уходя в детали. – Если не секрет, а Вова с вами в одном здании?

– Сегодня – нет. Он же на стажировке. Ездит с опытными людьми по отделениям, вникает в детали. Его сейчас, как того волка: ноги кормят.

– Роберт Сергеевич, извините за дурацкий вопрос, я абсолютно не в курсе этой части законодательства. То, что я сейчас через весь город эти камни повезу – это нормально? Могу спросить, откуда они?

– Нормальный вопрос. Можешь. Банк – один из основных акционеров ювелирного завода «ПЕРСОНА». Как сертифицированное ювелирное производство, завод закупает через наш банк металлы в качестве сырья, а лично я беру с завода в обмен такие вот камни – их Зоя любит. В транспортировке и владении как банковскими металлами, так и камнями, нет ничего противозаконного.

– Я же не сталкивался. Я с чего-то решил, что лицензия нужна, – признаюсь в своей дремучести.

– Лицензия нужна на производство и на торговлю, как оптовую, так и розничную. На то, чтоб везти по городу домой, физическому лицу ничего не нужно, – краем рта улыбается Роберт Сергеевич.

– А можно, ещё вопросы позадаю? Интересная тема, – мне правда интересно, но я не знаю, есть ли у Лениного отца сейчас время на общение со мной.

– Да без проблем. У меня время есть. Если ты не торопишься – давай поболтаем.

– А что есть банковские металлы? Чем они отличаются от небанковских?

– Чтоб понятно для тебя, банковские металлы – аналоги валюты как инструмента аккумуляирования финансов. Их четыре. Золото, серебро, платина и палладий – он тоже платиновой группы. Есть банковские счета, на которых хранится валюта. А есть – «металлические» счета. Ну, например, у тебя на счёте может быть или двести тысяч долларов, или четыре килограмма золота.

– А золото я могу снять со счёта вместо денег? – тема почему-то меня затягивает.

– Конечно. В качестве денег. Это и есть основной канал поставки сырья для «ПЕРСОНЫ». Если упрощённо: завод кладёт на счёт деньги. Потом конвертирует их в банковский металл по текущему биржевому курсу. Получившееся количество металла забирает у нас в слитках. Производит свои украшения, продаёт, получает наличные и дальше снова идёт к нам: конвертировать полученные деньги в металл, – улыбаясь, поясняет Роберт Сергеевич. – Плюс прибыль, конечно.

– Если не секрет, а прибыль в таком бизнесе большая? Заранее извиняюсь за прямоту вопроса, но очень интересно, – видимо, мой интерес написан у меня на лице, потому что Ленин отец улыбается, откидывается назад, сцепляет руки в

замок за головой и отвечает:

– Да ничего секретного. Бизнес требует столько лицензий, что никакими секретами в нём и не пахнет. Если вести дело честно... Прибыль обычно порядка пяти долларов на грамме. При текущей среднегодовой цене в пятьдесят.

– Это около десяти процентов? Не много, – качаю головой. – Я стереотипно думал, что ювелиры в золоте купаются.

– Заблуждение, – смеётся Роберт Сергеевич. – Ты ещё не забудь к этим десяти процентам прибавить два процента на угар. Вернее, отнять пару процентов.

Видя, что я не понимаю, объясняет дальше:

– Чтоб получить из слитка изделия, слиток вначале надо расплавить.

– Это понимаю. А потом?

– Физика. Когда золото из твёрдого состояния переводится в жидкое, при плавке часть его испаряется. В сегодняшних литейных автоматах – в среднем два процента.

– Двадцать грамм на каждом килограмме? – удивляюсь.

– Это еще не много, – качает головой Роберт Сергеевич. – Раньше, говорят, на государственном производстве чуть не до семи процентов на угар сбрасывали – технологии были примитивнее.

– Ничего себе... Получается, экономика ювелирного бизнеса ни в какое сравнение не идёт по прибыльности с сельским хозяйством, – мысленно прикидываю гипотетические варианты.

– Точно, – кивает Ленин отец. – В растениеводстве прибыль может составить до трёхсот процентов в год. И это у нас, в нашей географической зоне, где только один урожай в год. А вот во Вьетнаме, где снимают три урожая за год, сельское хозяйство по прибыльности намного обгоняет самую козырную ювелирку – может, даже самих Тиффани.

– А кто такие Тиффани?

– Были поставщиками принцессы Дианы и чуть не первый ювелирный дом, который начал работать с танзанитом, – смеётся Роберт Сергеевич.

Решаю не спрашивать, кто такая принцесса Диана, что такое танзанит и где находятся Тиффани...

– А чего тебя эта тема заинтересовала? Прикидываешь планы на будущее? – продолжает держать руки в замке за головой Ленин отец.

– О планах речь точно не идёт. Пока не мой уровень. Сейчас только собираю информацию. Мне нужно пять миллионов долларов к тридцати годам. Грубо, с этого момента нужно откладывать по двести тысяч в год, чтоб выйти на эти цифры. Пока и слегка не приблизился, – не скрываю ничего.

– Какие амбициозные планы, – Роберт Сергеевич смеётся настолько заразительно, что к нему, против своего желания, присоединяюсь и я. – Впрочем, плох тот солдат, который не носит в ранце маршальский жезл. Саш, боюсь, любые банковские операции, включая частный случай с банковскими металлами, тебе категорически не подойдут, как

вариант накопления стартового капитала самостоятельно, — сквозь смех выдаёт Ленин отец. — Если не торопишься, могу быстро объяснить.

— С удовольствием, — придвигаюсь поближе к столу. — Мне, кроме вас, некому задать эти вопросы. А тема интересная. И не тороплюсь.

— Начнём с того, что есть банк. Какая основная статья дохода в банке?

— Не знаю, — я действительно не знаю, поскольку никогда не сталкивался. Теорию тоже не читал.

— Перепродажа денег. Банк отдаёт деньги под процент в виде кредитов, а привлекает под меньший процент в виде депозитов либо займов у других банков. Если упрощённо...

* * *

Здание Генеральной прокуратуры. Кабинет Начальника службы специальных прокуроров. Бахтин за столом трёт виски, закрыв глаза, пытаясь сосредоточиться. В этот момент звонит его телефон. Бахтин бросает взгляд на экран и тут же отвечает:

— Привет. Рад слышать.

— Привет. Олег, говорят, ты в курсе разбирательства по делу, когда мои сотрудники погибли вместе с полицейскими в здании клиники?

— Лёлик, ты по этому поводу звонишь? — удивляется Бах-

тин.

– Да. Мне нужно понимать, как ко всему этому относиться и планировать работу дальше, достаточно сухо отвечает его собеседник.

– Лёлик, давай сейчас определимся, – явно делая над собой усилие, медленно говорит Бахтин. – Если ты звонишь мне как друг – давай менять тон, – Бахтин выдерживает паузу, ожидая реакции собеседника, но тот молчит. – Если же как официальное лицо – то я тебя сейчас не обрадую.

– Я тебя внимательно слушаю, – также сухо раздаётся в трубке.

– Ну, если так – то иди в жопу, Лёлик. Пойди послушай кого-нибудь другого. Я так понимаю, тебя твои люди «зарядили» на предмет выравнивания линии фронта. НО забыли тебе сказать, что твоим налоговым подразделениям вместе с финиками нечего делать в роддоме, в зоне оперблока. По случайности, охраняемого.

– Олег, подожди, я не знал... Это...

– Некогда мне ждать. Если ты такой резкий, то жду тебя завтра к десяти. Для организации взаимодействия. По теме незаконного обогащения естественных монополистов при полном попустительстве твоей налоговой. Которая позволяет тарифицировать одну и ту же услугу в адрес КСК по четыре раза, причём в масштабах намного больше районных, а налогов не берёт и за один раз. Выдавая льготы в ручном режиме. Суммы – на миллиарды в год. А как толь-

ко мы стали наводить порядок – твои тут же с финиками на редкость быстро поладили и почему-то первым местом, куда они направились, оказалась палата моей жены. В роддоме. А или они с физзащитой.

– Олег, я не зна...

– Иди в жопу. Повторяю второй раз. Жду завтра. Заодно и всё проясним... Я не в ресурсе сегодня.

– Был не прав. Извини, – полностью меняет тон собеседник, но Бахтин уже отключается.

– ...таким образом, мы подходим к «китам» успешности банка, как бизнеса, – поясняет Роберт Сергеевич. – Первое – обеспечение выдаваемых кредитов залогами. Давай поиграем в вопрос-ответ. Какие ключевые моменты в залоговом департаменте контролировал бы ты?

– Меня учили, что контроль всегда сводится к количеству и качеству. Не важно, чего, – отвечаю, не раздумывая.

Мы оба поневоле втянулись в беседу.

Лично мне банально интересно: такой информации, в сжатом виде, из компетентного источника я могу просто нигде в другом месте не получить. А информация лишней не бывает.

По Роберту Сергеевичу вижу, что ему беседа тоже приятна. Вероятно, ему просто некому передавать знания и опыт: Лена – девочка и врач, и её интересы явно не на его волне. А когда любишь своё дело, общаться на его тему всегда хочется.

Банк – не та тема, которую можно обсуждать с кем-то, кроме самых близких, по понятным причинам. А близким Роберта Сергеевича его дело наверняка не интересно.

– Применительно к банковским залогам, думаю, процедуры должны контролировать два базовых элемента. Первый: чтоб стоимость залога соответствовала сумме кредита. Хотя

в каком-то приближении. Навскидку – нужен вагон процедур по оценке, передаче прав управления залогом, изъятия его при неуплате кредита и так далее – но это наверняка не на коленке сочинять, – вижу, что Роберт Сергеевич сейчас снова засмеётся.

– Ты даже не представляешь, насколько не на коленке, – действительно сквозь смех выдаёт он. – Залогами занимаются два с половиной департамента. А с безопасностью – все три. Но продолжай! Мне интересно!

– Вторая контрольная точка – это качество залога. Например, я вам передал в залог права на турбину своей электростанции, которую заказывал на ТурбоАтоме за очень большие деньги. Допустим, я не рассчитался по кредиту, и вы забираете у меня залоговое имущество, саму эту турбину, – придвигаюсь ближе к столу, чтоб опереть локти на стол.

– Изымаем, – продолжает тихонько смеяться Роберт Сергеевич, – не забираем. Продолжай!

– Спасибо. Значит, изымаете. И сталкиваетесь с тем, что сама турбина стоимостью в десяток миллионов – штучное и уникальное изделие. Которое нужно в одном-единственном месте: именно на моей электростанции. Поскольку никуда в другое место она не встанет ни по конфигурации, ни по композитному составу. И вот, с одной стороны – у меня есть все документы, и это правда: турбина обошлась в десятки миллионов. С другой стороны, продать вы её сможете только по цене металлолома. Понятно, почему.

– Спасибо, и развеселил, и обрадовал, – продолжает хихикать в кресле Роберт Сергеевич. – Не подумай дурного, я сейчас смеюсь не над тобой. А от умиления, что ли.

– Да без проблем, – я уже давно вижу искренность собеседника, потому его смех лично меня ни капли не напрягает. Жаль, что нереально вот так присесть поболтать со своим отцом... – Я прав? По обоим пунктам? Или есть что-то ещё?

– В целом прав. Со своеобразной логикой, но прав. Кроме стоимости и ликвидности, есть ещё третий момент: имущественные права. Это если ты не можешь реализовать залог, например, потому, что один процент акций компании принадлежит Государству... но об это сейчас не будем... В целом прав, – улыбается Ленин отец. – Спасибо, повеселил и обрадовал. Это же экспромт? Ты же ничего предварительно не читал по теме?

– Боже упаси, – открешиваюсь, – мне сейчас настолько есть что читать по анатомии и медицине, что на эту тему, извините, банально нет времени. Да и интереса не было – вот до разговора с вами. Хотя, тема не такая и скучная, – честно признаю, – при ближайшем рассмотрении. А ещё какая тонкость?

– Ну, еще – стоимость самих денег. Себестоимость, так сказать. Смотри, чтоб отдать под четырнадцать процентов годовых, их надо где-то взять дешевле.

– А какие тут источники?

– Традиционно – депозиты от населения, – пожимает пле-

чами Роберт Сергеевич. – Но не в нашей стране и не в нашем случае. Догадаешься, почему?

– Наша страна находится в первой десятке самых крупных по территории. А по населению мы в восьмом десятке, – тут даже задумываться не надо, всё очевидно. – Нам просто не хватит накоплений населения, даже если всё сдать на депозит, на финансирование всех программ развития такой огромной территории. Однозначно нужно привлекать извне. Роберт Сергеевич, а на самом деле, откуда берутся деньги?

– А вот тут, конкретно в нашем случае, надо знать расклады, – Ленин отец встаёт, включает электрочайник. – Есть места, где деньги очень дешёвы: их там много, вплоть до перегрева экономики, а инвестировать уже не во что. Так как маленькая территория и маленькое население.

– Вы сейчас о реальном месте? – для меня такая информация – откровение. Впрочем, сколько мне лет...

– Более чем, – удивлённо поднимает бровь Роберт Сергеевич. – Эмираты. Объединённые Арабские Эмираты. На их пару миллионов коренного населения не нужно столько денег, сколько на них «свалилось» за последние сорок лет. Им их в прямом смысле не во что вкладывать.

– А у нас есть к ним доступ? – недоверчиво спрашиваю. Видимо, моё лицо выглядит очень скептически, потому что Роберт Сергеевич бросает заваривать чай, поворачивается ко мне и серьёзно говорит:

– Разумеется. Это – секрет полишинеля, но именно тут

надо знать расклады. У нашего, теперь уже бывшего, президента есть дочери.

– Возможно, не интересовался... – бормочу.

– Есть, – смеётся Ленин отец. – Это не секрет. Муж одной из них – коммуникабельный и приятный в личном общении человек. У него просто хороший личный контакт с семьёй Аль Мактум. Ну, дружат они попросту! Как говорится, начинали вообще безо всяких задних мыслей. На охоту вместе ездили, сейчас на яхте семьями ходят, – поясняет он, видя моё непонимание.

– А кто такие семья Аль Мактум?

– Эмиры Дубая, – пожимает плечами Роберт Сергеевич. – Потому, при определенных связях и репутации, у банков нашей страны есть быстрый, простой и надёжный доступ к дешёвым арабским деньгам Эмиратов. Конкретно Дубая, если говорить о нашем случае, – Роберт Сергеевич обводит рукой вокруг, имея в виду, вероятно, здание этого офиса.

– Например, у вас? – наконец доходит до меня после того, как вспоминаю, кем он был до банка.

– Например, у меня, – серьёзно кивает Роберт Сергеевич. – Благодаря репутации и опыту с предыдущей работы.

– Кстати, давно хотел спросить. А что вы думаете о нашем транзите власти, смене президента, передаче власти в верхах вообще без участия избирательного процесса – это если говорить на сегодняшний день? – задаю давно интересный мне вопрос, который до этого момента мне просто не с кем было

обсуждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.